

АЛЕКСАНДР ОКОЛЬНИКОВ

12+

РАТИБОР

и волшебство

КУПАЛЬСКОЙ НОЧИ

Книга 1. Кто похитил Цветок Папоротника

«СКИФАНС»

Александр Михайлович Окольников
Ратибор и волшебство
Купальской ночи. Книга 1. Кто
похитил Цветок Папоротника

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51772075
SelfPub; 2022*

Аннотация

Мир стоит на грани больших перемен. Древняя сила вновь возвращается, меняя всё вокруг себя. Те, кого мы считаем Богами, затеяли очередную игру, желая вернуть свое былое могущество. А между ними, как всегда, обычные человеческие судьбы.

Мальчик Ратибор приезжает в деревню Влесов Ключ на каникулы к бабушке и, придя на летний праздник Купало, попадает в водоворот стремительно развивающихся событий. Какую роль суждено сыграть ему в этом вечном противостоянии древних? Станет ли он той песчинкой, которая способна перевесить чашу весов, принося победу одной из сторон конфликта?

Вместе с героями книги мы погрузимся в удивительный мир, полный приключений, волшебства и настоящей дружбы!

Александр Окольников
Ратибор и волшебство
Купальской ночи.
Книга 1. Кто похитил
Цветок Папоротника

Александр Окольников

Ратибор

и

волшебство Купальской ночи

#Гардар

Йошкар-Ола

2019

УДК 82-343.4

ББК 84(4 Рос)

О 51

Кологодный цикл

Ратибор и волшебство Купальской ночи

Ратибор и сказки Вещего Леса

Ратибор и тайна Великой Коляды

Миры Сварги

Легенды и предания Влесова Ключа

Девять жизней Кота Баюна

На обложке использована

картина И. Ожиганова «Леший»

О 51 Окольников, Александр. Ратибор и волшебство Купальской ночи. Издание 2-е, переработанное и исправленное – Йошкар-Ола: Гардар, 2019. – 304 с.

ISBN 978-5-6043207-0-9

Мир стоит на грани больших перемен.

Древняя сила вновь возвращается, меняя всё вокруг себя. Те, кого мы считаем Богами, затеяли очередную игру, желая вернуть свое былое могущество. А между ними, как всегда, обычные человеческие судьбы.

Мальчик Ратибор приезжает в деревню Влесов Ключ на каникулы к бабушке и, придя на летний праздник Купало, попадает в водоворот стремительно развивающихся событий.

Какую роль суждено сыграть ему в этом вечном противостоянии древних?

Станет ли он той песчинкой, которая способна перевесить

чашу весов, принеся победу одной из сторон конфликта?

Вместе с героями книги мы погрузимся в удивительный мир, полный приключений, волшебства и настоящей дружбы!

ISBN 978-5-6043207-0-9

© Окольников А., текст 2017

© Гардар, оригинал-макет, 2017

© Гардар, переиздание, 2019

Книга 1

Кто похитил

Цветок Папоротника?

Все герои и сюжетные линии, представленные в книге, являются художественным вымыслом автора, любые совпадения персонажей и реальных людей случайны.

Зачин

Слабый огонь в очаге не мог обогреть всю избу. Куда там, он даже не освещал её полностью. Пламя танцевало извиваясь, всё норовя погаснуть, шелестя от неизвестно откуда взявшегося сквозняка: двери были закрыты, а окна застав-

лены ставнями – это была непростая изба, и совсем непростая ночь.

Рядом с очагом мерно раскачивалась подвесная люлька. Мелодичный напев струился по комнате. Колыбельная могла укутать младенца теплее, чем любое пуховое одеяло:

*Баю-баю-баю-бай,
Спи малютка, засыпай...*

Вот только младенца там не было, колыбель была пустой. Ловя незначительные дуновения ветра. Она раскачивалась в такт пламени.

Вокруг люльки нависли тени. Слабый свет очага не освещал лиц присутствовавших. Чувствовалось, от одного веет сквозняком, а от рядом с ним стоящего – свежестью грозы; от находящейся поодаль очага сквозил морозец, даже угол избы за её спиной покрылся инеем, а от того, кто стоял напротив нее, ближе всех к пламени, – изначальный огонь.

– Сила уходит, – никто из присутствующих не произнес этих слов, но слова были услышаны.

До истории, которая произойдет с Ратибором, оставалось ещё очень много времени.

Приключения начинаются

Заросли кустарника, за которыми прятался Ратибор, зашевелились. Шур-шур-шур – угрожающе звучало всё ближе

и ближе. В наступающих сумерках этот звук казался ещё более зловещим. Мальчик прижался спиной к шероховатой коре дерева, у которого тайлся все это время. Ему было страшно.

Страх сдавил грудь, детское сердечко сильно колотилось, норовя выпрыгнуть из груди, ладони вспотели. «Ах, зачем, я не послушал бабушку!» – мысль не давала покоя уже долгое время. Он очень сильно желал, чтобы всё случившееся оказалось просто страшным сном или видением. Даже несколько раз зажмурился, считая до десяти, открывал глаза, ожидая пробуждения и улыбающейся бабушки, склонившейся над ним. Но нет, это был не сон: темный ночной лес, свет огромной луны, едва пробивающийся сквозь густые кроны деревьев, и жуткий преследователь – мальчик так и не разобрался, кем он был. Но не всё ли равно, главное сейчас было уйти от погони.

Над головой, где-то очень высоко, каркнул ворон. Беглецу показалось, что это был не крик птицы, а произнесенная угроза: «Я тебя ещё найду!» Затем он отчетливо услышал затихающие хлопки больших крыльев. Ратибор даже обрадовался на мгновение: преследователь наконец-то оставил его в покое. Ведь именно убегая от черного ворона, он забрел так далеко в лес. И, спрятавшись в густых зарослях, думал, что его не найдут.

Несколько ударов сердца стояла давящая тишина, нарушаемая жужжанием приставучих комаров, да едва донося-

лись слова одной из праздничных песен. «Видать, не так уж и далеко я забрел», – только успел он подумать, как из-за дерева, к которому он прижимался спиной, ровно над правым плечом, раздался смешок. Мальчик, словно ужаленный, отскочил от своего укрытия, развернулся, выставив перед собой палку. В эту минуту он понял, что на самом деле держит в руке всего лишь тонкий прутик, которым и комара не отгонишь. Снова раздался смешок, и в Ратибора, неведомо откуда, полетела шишка, больно ударив прямо в лоб, да так, что он плюхнулся на землю. Растирая ушибленное место, мальчик испуганно озирался по сторонам. Свое оружие он выронил при падении, а в руке сжимал брошенную незнакомцем шишку. Но, если честно, запала драться уже не было. Он в слезах, раздосадованный, просто хотел кинуть её в обидчика, который предусмотрительно не показывался.

Очередной смех раздался уже из-за спины Ратибора, оттуда, где в кустах недавно громко шуршало, а затем резко прекратилось. Мальчик, быстро перебирая руками и ногами, на коленках пополз к спасительному дереву.

*«Шишка-мишка, Ванька-встанька
Потерялся наш храбрец.
Скоро к нам придет Бабайка
И его, наверно, съест!»*

Раздался из кустов веселый насмешливый голос. В Рати-

бора снова полетела шишка, но не долетела и упала у его ног. Шуршание в кустах начало удаляться. Наступила тишина. Лишь тревожило затухающее вдали: «Шишка-мишка, Ванька-встанька...» и озорной смех.

Ратибор выдохнул. Кто такой Бабайка, он не знал, но встречаться с ним и быть съеденным ему не хотелось. А то, что песня была именно про него, мальчик не сомневался. «Бабайка», – еще раз попробовал он на вкус это имя. Оно было странным и одновременно таким знакомым. Бабайкой пугала бабушка. Поначалу он даже боялся, но когда подрос, стал воспринимать этого Бабайку с улыбкой, понимая, что нет никаких бабаек. Оказывается, есть. И встречи с ним лучше избежать.

Уже совсем успокоившись и прислонившись к ши-рокому стволу дерева, мальчик сидел и вспоминал все события этого головокружительного дня.

***

До деревни бабушки он доехал без злоключений. Табличка с надписью «д. Влесов Ключ» обещала очередное лето вне цивилизации, без постоянного гомона и городской суеты и интернета. «Пишите письма», – так говорила бабушка в те минуты, когда Ратибор был не в духе от невозможности общаться со своими друзьями. А как их писать, если нет связи, он не понимал.

Все остальное в летние каникулы у любимой бабушки ему очень нравилось. Свежий воздух и парное молоко, друзья, с которыми он встречался, приезжая сюда, превращались в счастливые строки из сентябрьского сочинения о том, как он провел это лето.

Деревушка была не большой, но и не маленькой, дворы, разбросанные тут и там, граничили с садами и огородами, где было очень много всего, несравнимых, разумеется, с тем, что лежало на пыльных полках супермаркетов.

Рядом с деревней располагался пруд, чуть поодаль родник, давший начало небольшой речушке и название деревне, рядом с ним лес, в котором полно таких вкусных ягод. Мальчик всегда диву давался: не успеешь насытиться земляникой, поспевают малина и черника, а потом и в садах-огородах много вкусностей созревает.

«Как же всё чудно устроено в природе», – говорил он бабушке. На что та с ухмылкой отвечала: «Чудно- Чудно, при Роде всё, ой как чудно».

Добрался до искомой избы он самостоятельно. Ещё прошлым летом бабушка сказала: «Сам дойдешь, чай, не город, тут лихих людей нет. А заплутаешь – будет тебе уроком!»

– Ну наконец-то, мой волчонок, – на пороге стояла бабушка, вытирая руки о фартук. – А я уже пироги из печи вынула. А тебя все нет и нет.

Знакомо ударил в нос запах сена, молока, печки, каких-то полевых цветов – все то, что так любил мальчик. Если о

чем-то он и тосковал в городе, то это был именно наполненный тысячами оттенками головокружительный аромат покоя, уюта и такой сказочной атмосферы, которую не найти в стенах городских панелек, больше похожих на пчелиные ульи. Когда он так думал, сразу вспоминалась присказка отца: «Рабочие пчелы должны жить в больших ульях».

– А вот и я, – мальчик заулыбался, с трудом вкатывая чемодан на расшатанных колесиках, собранный родителями в дорогу.

– Как из печки пирожок, румяный, аки Солнышко, – женщина затеребила внука за щеки. «Бабушкой» её можно было назвать с огромной натяжкой.

– Нууу, ба... – внук задергался, но вырваться ему не удалось.

– Ух, мой медвежонок, отъелся-то, вымахал за зиму. Садись скорей за стол, – она отошла в сторону, позволив мальчику войти в дом.

Ещё прошлым летом Ратибор пытался узнать у ба-бушки, почему она называет его то волчонком, то медвежонок, то рысью или соколом ясным, но всегда хищником. Это было так странно, необычно, но одновременно и приятно. К сожалению, ответ не был получен до сих пор.

– Устал, поди, с дороги-то? – бабушка подошла незаметно: очень тихо и как всегда стремительно, вот была в сенях у двери, ставила в угол его чемодан, а вот уже стоит за спиной, положив руки на плечи внука.

Ратибор давно хотел поймать её на этом, развернуться, вытянуть вперед палец с криком: «Ага, попалась», – но так ни разу и не смог осуществить задуманное.

– Да не очень, – он провел рукой по волосам, зачесывая их назад, как делает папа. – Ко сну только что-то клонит. Растрясло, видимо, в дороге.

– Ох, а как не растрясет-то, ухабисто у нас тут.

– Там, – мальчик лениво махнул рукой в сторону, в неопределенном направлении. – Мама гостинцев отправила тебе. Я спать, пожалуй.

– А пирожки?

– Так потом съем! Эх, только у тебя микроволновки нет, – он остановился, раздираемый дилеммой: завалиться спать с дороги или отведать любимую бабушкину стряпню. – Съем и спать, – голод и аромат свежей выпечки сделали свое дело.

Когда сонный, насытившийся внук уже ворочался в приготовленной для него кровати, хозяйка дома начала разбирать сумку мальчика, в первую очередь придирчиво осмотрела отправленные дочерью гостинцы.

– Тааакс, думаю, нам это сегодня как раз пригодится, – тут она с прищуром посмотрела на уснувшего Ратибора и улыбнулась.

***

Хотя интернета и других привычных городских развлече-

ний не было, жилось в деревне удивительно весело. У местных ребят было полно иных забав: детвора играла на улице в салки, лапту, клеек и другие интересные и необычные игры. Ратибор всегда дивился: почему в них никто не играет в городе, это же так здорово и увлекательно?

– Забирай быстрее!

Как раз сейчас он, выспавшийся и довольный, выйдя на улицу, влился в одну из таких игр.

Под звонкий смех водящий пытался засалить палкой разбегающихся ребят, но и как уже несколько конов до этого, неудачно.

– Вот и не успел, – один из заводил показал кукиш нераспоропному товарищу, попутно продолжая объяснять правила Ратибору. – Нам нужно сбить во-он тот чурбак, возле небольшого деревянного огрызка, стоящего на земле – в нескольких метрах от линии поля переминался с ноги на ногу водящий.

– Млад, я это уже понял, – мальчику не терпелось начать играть.

– Если собьешь три раза – переходишь на следующую линию, – перед ребятами были вычерчены девять линий на расстоянии шага друг от друга, за ними начиналось игровое поле. – Кто первым пройдет всё – тот и победил.

– Я готов.

– Да погоди ты! – Млад поставил перед Ратибором свою палку, чтобы тот не начал раньше времени. – Если сбиваем,

водящий ставит мишень обратно, когда все бросим палки, тут-то и начинается самое веселье: нужно забрать свою палку так, чтобы хлопец тебя не засалил. А если засалит, то успеть сбить мишень, или же кто-то из остальных, чтобы сбил, тогда водящему вновь салить тебя придется. Усек?

– Усек, усек. Играем!

Палки со свистом вылетали из рук мальчишек, многие кидали гораздо метче Ратибора и быстро обгоняли его по линиям. Зато, когда приходилось отбиваться от водящего, ведь правила не запрещали фехтовать палкой и защищать себя, вот тут уже мальчику не было равных. Он часто спасал товарищей, и водящие менялись все реже и реже.

– Ты где так сражаться научился? – с завистью спросил Доброгнев, согнувшись и опершись на колени, чтобы отдышаться от бега.

– В городе я хожу в «Школу богатырей».

– Это что за школа такая? – Доброгнев толкнул в бок Млада. – Слышал?!

– А нам и не надо, у нас тут и так все богатыри, – деревенские ребята переглянулись. Казалось, будто они знают какую-то заветную тайну, но не собираются делиться ею с чужаком.

– Ну и ладно, – Ратибору было обидно, что подростки с того лета приятели не принимают его так же просто, как в предыдущие года. – Я попить сбегаяю, скоро вернусь, – бросив палку под куст и приметив место, он побежал к дому ба-

бушки.

– Ба, дай попить! – не успела за ним закрыться скрипучая дверь, как мальчик встал будто вкопанный, удивленно заморгал. – Ты чего такая нарядная?

– Сегодня необычный день.

И действительно, Ратибор еще во время игры заметил, что девчонки, которые ненамного старше его, выходили нарядными на улицу, собирались вместе гурьбой, шептались о чем-то и заразительно хихикали.

– Сегодня какой день? – продолжала бабушка.

– Какой? – удивленно спросил Ратибор, причмокивая и вытирая молоко с губ.

– Сегодня день рождения нового Солнца. Самый длинный день в году, а после него Солнышко к зиме начинает готовиться и каждый день светит все меньше и меньше.

– Оказывается, у Солнышка тоже есть день рождения? – удивился мальчик.

– Да, мой хороший, и даже не один, а несколько раз в году, рождаются и умирают разные ипостаси Солнца. – Сегодня умрет Ярило и родится Даждьбог.

– Я не хочу, чтобы Солнышко умирало, – Ратибор приуныл.

– Ой, ты, внучек, – бабушка обняла его за плечи, – это наша жизнь, тем более через год Ярило вернется к нам.

– Правда? – он заулыбался.

– Да, Ратиборушка, – бабушка тоже улыбнулась, – Сегодня

ночью будет праздник, станем жечь огромный костер-купа-лец, девицы с парнями будут прыгать через него, испытывая свою силу, а если кто найдет цветок папоротника в темном лесу – обязательно обнаружит под ним клад.

Во время рассказа Ратибор стоял, открыв рот.

– Я хочу найти этот цветок, – вскрикнул он. – Я обязательно должен его найти...

***

Ратибор и раньше бывал на этом летнем празднике, правда, помнил он его смутно. Память сохранила лишь крупницы воспоминаний: высоченный костер, манящий своим теплом и светом, плюющийся болючими искрами, хороводы и песни, вкусные угощения в трапезной – все смешалось в вихре образов и обрушилось ураганом чувств, уносящих, пусть и не в такое далекое, но уже случившееся прошлое.

Сегодняшний день был наполнен каким-то особым торжеством, трепетно обещая случиться чуду или, на худой конец, сбыться небольшой сказке. Сердце мальчика ликовало: где-то там его, именно его, а не кого-то другого, ждал Цветок Папоротника, маня кладом и исполнением самого заветного желания. Лишь бы найти, лишь бы суметь.

– Для тебя шила, – заулыбалась бабушка, надевая на внука рубаху.

– Ой, колется же, – задергался мальчик.

– Конечно, колется, – бабушка сияла. – Она же из крапивы.

– Как из крапивы? – Ратибор замер от удивления и испуга, даже перестал чувствовать уколы рубашки и попытался быстренько стянуть её с себя.

– Да чего уж ты? Шучу же! Лен, чистый лен, – сми-лостивилась она. – Была бы из крапивы, в ней хоть за папоротником цветущим, хоть в царство Кощеево иди. А в этой только на празднике выплясывать.

Ратибору показалось, что бабушка лукаво ухмыль-нулась и подмигнула, но ему не был понятен смысл этого.

Рубаха была на диво красивая. Мальчик раньше видел подобные на жителях деревни, но сам такой не носил. Он однажды даже представлял, как ему будут завидовать ребята в городе, пояись он таким разодетым во дворе, у друзей такой рубахи точно нет.

На рукавах, вороте и подоле обновки были красной нитью вышиты замысловатые узоры.

– А это зачем? – поинтересовался мальчик, продолжая их с интересом рассматривать.

– Это обережная вышивка, она будет защищать тебя, – в этот момент мальчику показалось, что по узору пробежал багровый огонек, словно опоясывая его в кольцо лучами закатного Солнца. – Узоры и знаки наших предков, сохраненные народной памятью.

– Знаю-знаю, это магия. – он засиял.

– Магия-магия, – бабушка, улыбаясь, кивнула в от-вет.

Несмотря на понравившийся рисунок обережной вышивки, рубашка все же была ему очень колючей, и мальчик постоянно, морщась, двигал плечами, но это не помогало: переставало колоть в одном месте и начинало в другом.

– Ты попроси ее не колоть, она колоть и не будет.

– Так я не умею, – он опустил глаза.

– Я тебя научу, повторяй за мной заговор.

Мальчик сглотнул, но делать нечего, нужно было избавиться от всех этих иголок.

– Черной водой, безликой бедой, – начала на распев бабушка.

– ...безвкусной едой, – не понимая, что она говорит, мальчик пытался повторять.

– За синим огнем, белым конем.

– ...каким-то там пнем...

– За пригоршню счастья.

– ...пригорюнилось счастье...

– Я беде не подвластен.

– Я беде не подвластен.

– Так есть.

– Так есть! – воскликнул довольный внук. Рубашка, правда, перестала колоться.

Название рубашки было заковыристым – сразу и не выразишь: «косоворотка». После очередной неудачной попытки произнести это очень сложное слово, рубашка была пере-

именована в «Рубаху-Воротку» – просто и понятно.

Бабушка покачала головой. Ратибор, не видя её тревожного взгляда, вышел из избы и, спрыгнув с порога, махом перескочил через ступени, побежал скорее на поляну праздника, где его уже ждал заветный Папоротник.

***

Лесная поляна, на которой проводился праздник и куда уже небольшими группами в нарядных одеждах шли люди, находилась рядом с деревней, прямо на покато́м берегу речушки. Нашему герою она была хорошо знакома: на ней и в ближайшем лесу бабушка часто собирала целебные травы. Ратибору всегда нравилось это занятие, он был готов стремглав мчаться каждый раз, как только намечался поход в лес. Разумеется, не травы манили его, хоть он и любил иван-чай, которого в городе не сыщешь, или зверобой с шиповником. Мальчик знал, что кроме полезных растений, тут видимо-невидимо лесных ягод. «Ой, ты мой лакомка», – каждый раз говорила с умилением бабушка, когда он с набитым ртом пробегал мимо в поисках самых спелых и вкусных.

На поляне кипела жизнь: приближался вечер, и люди стремились скорее закончить последние приготовления. До начала праздника оставалось совсем немного – зачинали, как повелось, когда Солнце едва-едва касалось верхушек деревьев.

В центре поляны высился, пытаясь дотянуться до неба, огромный, сложенный из толстых бревен, главный костер праздника – Купалец. Задрав голову, с открытым ртом, мальчик любовался этакой громадиной. На его вершине, покачивалось тележное колесо, насаженное на толстую жердь и украшенное цветастыми ленточками, которые весело колыхались при каждом дуновении ветерка.

– Нравится?

– Ещё бы! – Ратибор обернулся. К нему незамеченным подошел один из местных парней, постарше, но еще не вошедший в мужскую силу, отчего был угловат и казался неуклюжим.

– Меня Ходутой звать, – он протянул руку.

– Ратибор, – мальчик в ответ протянул свою, ожидая рукопожатия, улыбнулся с гордецей, что с ним здороваются как со взрослым.

Но рукопожатия не последовало, Ходута сжал Ратибору запястье, тому в свою очередь пришлось сделать то же самое.

– У нас здороваются так, не жмут ладони.

– Ааа, – многозначительно протянул удивленный мальчик.

– Два дня костер собирали, – будто не заметив удивления нового знакомого, продолжил подошедший парень. – Здоровенный, гореть-то как будет: ого-го! – он поднял руки к небу. – Силища!

– Классно!

– Ты брось это, – Ходута не сильно, но ощутимо толкнул мальчика в плечо. – Брось свои эти городские словечки, во-на сколько слов хороших есть: замечательно, изумительно, любо, добро. А то удумал тут тоже, чай, не в городе.

– Любо! – Ратибор пытался его передразнить, но вышло так, что он соглашается со сказанным. – А ты знаешь про Цветок Папоротника? – сразу же пошел он в наступление.

– Ну а кто ж не знает, – ухмыльнулся собеседник. – Конечно, знаю. Сам голопузым был, искать рвался, да батька уму-разуму научил, пока ремнем стегал. Сказки это все бабкины!

– Да, ну?! – мальчик поник, чуть не плача. – А я всё равно его найду!

– Найдешь, как же, – хриплый смех Ходуты больше был похож на кашель. – Ага, смотри, как бы тебя русалки не утащили к себе в омут.

– Ничего не утащат, – он задрал нос. – Тоже мне, русалки! Не бывает никаких русалок.

– А вот и бывает!

– А вот и нет! – Ратибор показал язык. – Да ты мне специально это говоришь, чтобы самому найти Цветок и загадать желания. Вот тебе, – он подбежал к собеседнику и боднул его головой в живот.

– Ай! Ты чего? Я тебе сейчас! – но мальчика уже и след простыл, ищи-свищи его среди людей на поляне. – Тоже мне: Цветок Папоротника! Брехня всё это, – рас-тирая ушиблен-ный живот, нашептывал себе под нос па-рень.

***

Мимоходом оглядываясь – нет ли погони, Ратибор вприпрыжку бежал по праздничной поляне, петляя среди занятых делами взрослых: кто-то возился с сеном, вязал из него фигуру, девицы плели венки и играли в игры с парнями. От небольшой группы людей, стоящих ближе к деревьям, раздавался звук гармони, туда-то и направлялся мальчик.

Протиснувшись мимо здоровенных мужиков, наступив нескольким на ноги и получив за это пару оплеух, он смог пролезть ближе к гармонисту. В самом центре людского круга несколько мужчин смешно выплясывали под игру гармони и балалайки, то и дело ударяя друг друга в грудь.

– Драка? – Ратибор дернул за рукав ближайшего к нему, вроде бы его звали Яробор, он казался ровесником Ходуты, но, не в пример тому, был кряжист и крепок, широкая кость, как говорила мама.

– Нет, ты что! Это всего лишь боевой пляс. Драка будет опосля, – заулыбался здоровый детина. – Перед тем как Ярилу сожжем.

– Зачем же его жечь?

– Так не только сожжем, потом ещё и утопим, – довольная улыбка сияла на лице отвечавшего.

– Утопим?

– Ну ты даешь, как будто из города приехал.

– Так я... – но договорить ему не дали.

– Сожжем и утопим весеннее Солнышко-Ярилу, и купаться можно безбоязненно, русалки больше донимать не будут.

– Да как же без этого, – со знанием дела ответил мальчик, а про себя подумал: «Опять эти вездесущие русалки», – и побежал исследовать поляну дальше. Воду он любил и поэтому обрадовался, что можно будет купаться, не боясь вездесущих русалок. А если они не донимают, значит, и Цветок никто не помешает добыть, ну разве что, кроме этого противного Ходуты. Может, Яробора взять себе в союзники? Хорошая мысль, только разве ж тот согласится, большой, как молодой бычок, у него, наверное, одни кулачные схватки в уме – с этими мыслями он дошел до реки.

Недалеко от реки, на краю поляны, тихо журча мелодичными голосами, нараспев растягивая слова, девушки плели из цветов венки, хихикая и подмигивая проходящему Ратибору. Сидевшая у самого края девичьего кружка красавица вдруг резко встала и плывущей, плавной, но быстрой походкой пошла в сторону мальчика. Её подруги, не переставая плести венки, с интересом наблюдали за происходящим, еще больше хихикая и перешептываясь:

– Смотри, куда Кострома пошла.

– Жениха, жениха нашла.

– Какой молоденький.

– Какой миленький.

Услышав этот шепот, мальчик пробормотал: «Да не хочу

я в женихи», – и бросился бежать от приставучих девчонок. Те одарили его звонким переливистым смехом:

– Куда, куда же наш женишок побежал?

Лишь названная Костромой стояла и грустно смотрела ему вслед, опустив руки с венком.

Смеркалось.

***

– Раз, раз!

– Ещё налегли.

– Взяли вместе.

Тем временем мужики собрались у деревянных во-рот. Или Ратибор по ошибке принял это строение за во-рота. И обвязав длинный канат вокруг палки, которая была вставлена в лежащее бревно в центре этих ворот, с энтузиазмом тянули канат с двух сторон на себя по очереди.

– Давай поднатужься!

– Резче!

– Да не мешкай ты!

– Масло подлей!

– Ты что, какое еще масло! Потушишь ведь.

Из места, где крутящаяся с помощью канатов палка была вставлена в лежащее бревно, шел слабый дымок, никак не хотевший разгораться. Кто-то бегал с ка-нистрой, кто-то стоял с зажигалкой, видать, для под-страховки. Некоторые

пытались советовать, как и что делать, при этом не принимая участия в самом процессе. Но основная масса мужиков тянула канат. Поочередно они отбегали, трясая ладонями и дую на обожженные руки.

– Что они делают, ба? – бабушка как раз кстати оказалась рядом, тоже наблюдала за процессом.

– Добывают живой огонь.

– Прямо-таки живой? – Ратибор с прищуром смотрел на неё.

– Живой преживой! – она улыбалась.

– Пойду, поближе погляжу.

Мальчик стал протискиваться через собравшихся вокруг действия людей. Солнце постепенно начало опускаться к кронам деревьев, что послужило сигналом уже всем людям на поляне подойти к месту добычи огня.

– Раз! Раз!

От места трения палки шел дым, всё набирая силу, но огонь так и не занялся, чего-то не хватало. «Или ему кто-то мешал?» – странная мысль мелькнула в голове мальчика, как не своя – словно тяжелый тулуп с чужого плеча. Ратибор даже попытался посмотреть по сторонам, но в сжимающейся толпе людей это было бесполезно. Хорошо хоть, не мешали протискиваться вперед, все понимали: мальчик хочет воочию всё увидеть.

– Вот так же древние люди разжигали огонь трени-ем, палочка о палочку, – рядом высокий мужчина, посадив ребен-

ка на шею, объяснял ему суть происходящего. – Никакого металла, только дерево.

Ребенок агукал в ответ, вертя головой.

– Раз!

– Поднажми!

– Вот уже!

Медленно пробуя на вкус подложенную солому, огонь начал набирать силы. Несколько мужчин в белых рубахах подошли с заранее приготовленными факелами, и света вокруг стало больше – живой огонь был добыт.

– Ага, попался, – на плечи мальчика легли руки Ходуты. – Вот я тебе...

Что именно «вот», он уже не успел договорить, Ратибор резко наступил пяткой нападавшему на ступню, а как только его хватка ослабла, ринулся бежать и был таков.

Удивительный подарок

– А вот и смогу, – сказал курносый паренек, сидящий на небольших деревянных сходнях у реки, дрыгая ногами ударяя ими по поверхности воды, создавая при этом кучу брызг.

Ратибор встретил его, когда, убегая от преследователя, решил затаиться на берегу. Мальчику почему-то сразу захотел подружиться с незнакомцем. Курносый, весь в веснушках и при этом не рыжий, а с лучисто желтыми кудрявыми волоса-

ми. Новый друг порою, казалось, светился, глядя на него, хотелось зажмуриться, как будто смотришь на само Солнышко. Они были ровесниками и даже чем-то похожи внешне.

– Смогу-смогу-смогу, – вскочив на мостик и затопав бо-
сыми ногами по скрипящим доскам, весело воскликнул но-
вый знакомец, показывая язык. При этом назвать свое имя
он наотрез отказывался. Лишь сказал: рано мне тут ещё
быть, глядишь, лихие проведуют.

– Коли сможешь – докажи! – уперев кулачки в бока, Рати-
бор встал перед собеседником, с ухмылкой глядя ему в глаза.

– А вот и докажу, – курносый насупился. – Но только не
сейчас, – ответил с досадой сжав губы.

– Задавака и врун, – выпалил Ратибор, после чего юркнул
к краю сходен и, зачерпнув ладонью пригоршню воды, плес-
нул в лицо новому знакомцу.

– Ах ты так, – курносый не бросился на него с кулаками,
чего, по правде, ожидал юный задира, а подошел ближе и
разжал ладонь. – Вот, смотри, – его глаза сияли, а с носа сви-
сала капля воды.

На берегу реки стало светло, как будто в сумеречную те-
мень закрался лучик Хорса-Солнца. Ратибор даже испугал-
ся на мгновение, одернулся – не пожар ли?!

В руке незнакомца лежал, освещая окрестности за-ревом,
круглый медальон. На нем было изображено Солнце с замыс-
ловатыми узорами в центре. В одном месте к оберегу кре-
пилась веревочка, видимо, чтобы его было удобно носить на

шее.

– Совсем как на моей рубахе, – мальчик показал бережливую вышивку на подаренной бабушкой косоворотке.

– Это мой оберег, – с гордостью сказал курносый. – А где твой оберег?

– Оберег? – мальчик был удивлен. Ему сразу захотелось иметь оберег, и одновременно он почувствовал досаду, что даже у этого белобрысого есть оберег, а у него нет.

– У меня нет оберега, – с горечью пришлось признаться. – Я даже не знаю, зачем он нужен.

– Как это зачем! – собеседник был удивлен. – В нем заключена сила предков, так же, как в твоей вышивке и он хранит от ненастий и бед. Я смотрю, рубаха у тебя совсем непростая, как кажется на первый взгляд.

– Да, мне её бабушка подарила.

– Бабушка, значит, – он лукаво прищурился.

– Ну да, бабушка. Что тут такого?

– Ничего, только она у тебя из крапивы, да заговорное слово на ней.

Ратибор чуть не сел от удивления там же, где стоял. Вот, значит, как, всё-таки крапива, то-то она так кололась.

– А твой оберег из чего сделан? Светит похлеще любого фонаря.

– Да, это кусочек Солнца.

– Настоящий? – Ратибор не верил своим ушам.

– Шутишь? Конечно, настоящий, – новый знакомец за-

драл свой и так курносый нос. – Сделал из спицы колеса колесницы Хорса.

– Да хватит тебе заливать... Колесница Солнца. Сейчас как дам в ухо! – Ратибор сжал кулаки, грозно ими помахав у самого носа собеседника.

– Да ну тебя! Не верит он. Вот сам увидишь! – обе-рег моментально оказался в руках задиры, а курносый, как ни в чем не бывало, юркнул в кусты и был таков.

Мальчик остался стоять один у реки. Удивленно рассматривая неожиданный подарок на ладошке, он не знал, радоваться или испугаться. И как теперь рассказать бабушке, чтобы она поверила, он даже не представлял.

Сумерки сгущались. На поляне запели песни. Раздавались крики мужчин, которые мерялись силой и ловкостью в состязаниях. Ратибор решил найти бабушку и всё ей честно рассказать, уж она-то точно должна знать правду – думал мальчик.

Чуть слышно булькнула вода в реке, да колыхнулась прибрежная трава, когда он покидал берег, но разве будешь обращать внимание на мелочи, держа в руках такое сокровище?!

***

Вернувшись на поляну, мальчик начал искать ба-бушку, которая должна была быть тут. Случайная встреча с куд-

рванным взбудоражила мысли: если всё то, что он рассказал, правда, то Ратибору уж точно посчастливится найти свой Цветок, тем более, когда в руках такое сокровище – неведомый оберег. Сжатый в руке подарок грел и нежно щекотал ладошку, как будто это действительно был солнечный лучик.

Место проведения праздника опустело – все участники собрались на противоположной стороне поляны, образовав плотный круг, что именно там происходило, видно не было – участники стояли спиной к реке.

– ...Сла-а-ва, – раздалось из толпы

И было подхвачено сотнями голосов:

– Слава.

– Сла-ва.

– Слава-Слава!

Постепенно люди начали расходиться, о чем-то беседуя друг с другом, кто-то вновь взялся за игры, девушки собрались кучкой и что-то активно обсуждали. Ратибор практически сразу увидел бабушку и побежал к ней. Она шла, улыбаясь ему.

– Ну что, набегался, непоседа? – взъерошив волосы внука, она обняла его.

– Со мной сейчас такое приключилось! – мальчик давился, глотая воздух: волнение и быстрый бег мешали говорить.

– Что же? – улыбка не сходила с лица бабушки. – Неужели русалок увидел? Ты, гляди, будь осторожнее – купальская ночь полна чудес, и не такое повстречать можно.

– Да какие ещё русалки! – он был раздосадован, снова эти вездесущие русалки, даже бабушка о них вспомнила. – Вот я им покажу, если повстречаю, – мальчик помахал кулачком с зажатым в нем подарком незнакомца.

– Так что ж у тебя приключилось-то? – её тон стал серьезнее.

– Смотри, – только и смог вымолвить Ратибор. Раз-жал на мгновение ладонь, и по поляне чуть было не начал струиться и разливаться яркий свет, исходящий от подарка курносого. Тяжелая бабушкина рука легла сверху, больно, с хрустом сжав пальцы мальчика. – Ай, – только и успел вскрикнуть тот. Свет от берега, как будто передумав освещать всю округу, снова сжался мягким теплом в его руке.

– Какая интересная вещица у тебя, внучек, – озира-ясь по сторонам, сказала бабушка. Убедившись, что ни-кто не обращает на них внимания, продолжила: – Рас-сказывай, где взял такое сокровище? – Она, все так же крепко и болюче сжимая детскую ладонь, потащила его за собой к кромке леса, где не было людей.

Мальчик захлеб начал говорить и про курносого забияку и вруна, который только и горазд пустомелить да языки показывать. И про его обещание покататься на закатном Солнышке, после чего и началась их размолвка. И про этот берег, который незнакомец вручил ему и сбежал, побоявшись трепки.

Бабушка всё сильнее хмурилась, взгляд её был очень се-

рьезным, взволнованным. Она то и дело озиралась по сторонам:

– Курносый, значит, белобрысый и имени не назвал, – тебя пояс, бубнила она. – Да, дела.

– Ба, что такое? – не понимая, что случилось, мальчик заглядывал ей в глаза, но не получал ответа. И радость от подарочка куда-то улетучилась.

– Знаешь что, Ратиборушка, – её серьезный вид не сулил ничего хорошего. Он вообще ни разу не видел её такой. Всегда милая, приветливая и веселая, сейчас ба-бушка была как Валькирия, изображенная на одной из картин, висевших в кабинете отца, – грозная и разящая. – Сейчас мы настроим ТВОЙ оберег, неспроста же курносый его тебе вручил. Ему-то он без надобности.

– Бабушка, ну кто он? Кто он такой-то, этот курно-сый?! – мальчик вопросительно дергал её за подол пла-тья, но она уже не слушала.

– Ёлки-иголки, давай присядем тут.

Они сели в густую траву у кромки леса, стебли весело щекотали пятки мальчика, но было совсем не до смеха. Раздосадованный внук начал понимать: он во что-то влип.

– Обычно как пытаются настроить оберег, – вдруг резко начала бабушка. – Эээх, тоже мне маги-шмаги, – махнула она рукой.

Эти «маги-шмаги» так развеселили Ратибора, что он даже заулыбался, немного позабыв о тревожной ситуации.

– А как надо, ба?

– Как надо, как надо, – заерзала та на траве. – Тоже мне придумал: спица колесницы Хорса! Да Хорсушка уж давным-давно на этой телеге не катается, а на коне по небосводу разъезжает. Ну да ладно, приступим, – её тяжелые ладони легли мальчику на плечи.

***

– Теперь вы единое целое, – напевный голос едва пробивался сквозь пелену не то сна, не то дремы.

Как он тут очутился, мальчик не помнил. Стоя на высоком утесе, Ратибор шурился от яркого Солнца. Над головой проплывали облака, а под ногами, далеко внизу, уходил вдаль океан из деревьев.

Оберег на груди горел жарким пламенем. Да и не оберег это уже вовсе, и сам мальчик удивительно преобразился: на утесе стоял молодой воин. На груди у него красовался золотой панцирь, на котором вместо оберега лучилось большое Солнце. Оно грело и сияло. Сияло и грело. Ратибор уже не обращал внимания на звон своей кольчуги, хотя совсем недавно плясал бы от восторга, коли удалось бы надеть такой доспех.

Рядом никого. Едва уловимо звучал голос бабушки. Мальчик послушно выполнял её указания...

– Почувствуй силу оберега.

Его окутало жаром, Солнце на груди пульсировало. Мальчика обдало ветром, и обстановка тотчас сменилась: он стоял на том же утесе, но теперь вокруг царила ночь. Яркие звезды вплетались в замысловатые фигуры-созвездия. Неожиданно часть звезд свернулась в клубок, прокатилась по небу и тут же разделилась на две фигуры. Звездный волк стоял напротив звездной лисицы. Миг. И снова они сошлись в нешуточной схватке. Бой затягивался, но никто не мог одержать верх.

«Пока не мог, только пока», – почему-то пришло в голову Ратибору.

В этот момент мальчик понял, что не он один наблюдает за сражением. На грани видимости стал заметен доселе скрытый деревянный дом, таких полно по деревне, в таком же жила бабушка. Не удавалось понять, стоит он на земле или висит в звездах, границу уловить никак не получалось. Из двери дома выглядывал малыш, или же так казалось испуганному Ратибору. До него донеслось: «Пуфыстики», – мнилось, что ребенок пытается достать своими ручонками сражающихся звездного волка и лисицу, но ему это было не дано.

Наступила темнота.

– Открывай глаза, – как-то совсем близко услышал он вновь родной голос.

Мальчик проморгался, он снова сидел на траве рядом с бабушкой: никакого тебе доспеха, нет копья и щита, меч то-

же пропал. Да и оберег уже не разливался по его груди огромным Солнцем, а висел маленьким, едва заметным кулоном.

– Теперь тебя не только моя рубаша защищает, – потрепав его по волосам, сказала, улыбаясь, бабушка. – Будь осторожен, купальская ночь полна чудес.

Ратибор потянулся, чувствуя прилив сил и желая попробовать на вкус все эти загадочные купальские чудеса, молча улыбнулся.

В центре поляны девицы водили хоровод, напевая:

Солнце греет, Солнце светит,

И садится за рекой.

Что же милому ответить,

Он нарушил мой покой.

Вновь веноч чело покинет,

По течению уйдет.

Меня милый мой полюбит,

Если там его найдет.

Ой, Купала, ах Купала,

Свет костра в ночи манит...

Дальше он уже не слушал. Бабушка медленно поднялась с земли, сказав:

– От центра поляны ни ногой, или лучше идем со мной сбить пить, – дождавшись ответного кивка, она, не оглядываясь, пошла к кухонному костру.

На небе взошла огромная Луна, таких Ратибор раньше не видел. Она достаточно хорошо освещала окрестности. Конечно, не как Солнце или даже его неожиданно приобретенный оберег, хоть и менее ярко, но света Луны было достаточно, чтобы видеть в деталях происходящее на поляне и даже между деревьев, если смотреть в лес, на несколько шагов вперед.

Со стороны зарослей, размывая очертания деревьев и всего вокруг, стал подступать едва заметный туман. Ночь постепенно вступала в свои права, диктуя законы и устанавливая правила, отличные от дневных.

Ратибор собрался последовать за бабушкой, как услышал, будто кто-то его зовет из тумана:

– Ратибор, Ратибор! Подойди ко мне!

Кто там был, мальчик не видел, но жажда обещанных чудес и ожидание приключений манили вперед. Он понимал, что нужно скорее бежать за бабушкой, но как тут устоять? Может, зовущий знает, где найти заветный Цветок Папоротника?

Дойдя до ближайшего дерева и никого под ним не найдя, мальчик раздосадовался: ну вот, может, и показалось. Как тут же сверху раздалось:

– Картибор-Картиборушка, каррашо, что ты пришел кармне, – с ближайшей, чуть покачивающейся ветки на него смотрел большой черный ворон.

Птица переступала лапами, пристально вглядываясь то одним, то другим глазом. Ратибору показалось, что ворон

смотрит не на него, а на оберег – сердце ушло в пятки. Ратибор быстро сжал кулон в ладони и сделал шаг назад. В спину уперся куст, которого, он мог поклясться, только что там не было. Колючие ветки пытались схватить мальчика за руки.

– Что же ты, Картибор? – ворон пристально рассматривал мальчика.

У юного охотника за чудесами забилося сердце, «Нужно скорее к бабушке», – мелькнула мысль в его голове. Ворон как будто почувствовал это, не медля ни секунды, сорвался с ветки, раскрыл огромные крылья и со страшным: «Кааарррр», – бросился на мальчика.

***

Ратибор неся, не разбирая дороги. Рука сжимала оберег. Казалось, что кулон вел мальчика, указывая единственно верный путь, подсказывая, куда свернуть, а где и вернуться от очередной, пытающейся схватить его ветви дерева или куста. Несмотря на помощь, бежать было очень непросто: корни деревьев так и норовили поставить ему подножку, ветви все активнее цеплялись за волосы и рубашку, но почему-то при касании сразу отдергивались. Кусты тут и там кидались под ноги, желая запутать, не дать пройти. И повсюду стелился туман. Густой-густой, как в тех сказках, где туман рубили топором. Жаль, топора-то у него сейчас и не было. Был лишь оберег, который, как казалось мальчику, го-

рел красным пламенем, и туман нехотя расступался там, куда направлял Ратибора этот неожиданный подарок курносого незнакомца.

– Картибор-Картибор, курдаже ты, крстой, – доносилось не то сзади, не то сверху.

Стремительный поток воздуха едва не сбил мальчика с ног, в плечи врезались массивные когти. Рывок, и его подняло над землей.

– Кар, – в этом звуке слились негодование и недоумение нападавшего.

Падая на землю, Ратибор успел обернуться: в сумеречном полумраке было отчетливо видно, что когти ворона были красными, как раскаленные на огне, отчего ему пришлось забыть о беглеце и, тряся лапами, пытаться остудить их.

Вскочив на ноги, мальчик побежал, не оглядываясь. Ещё несколько раз ему чудилось, что злые когти хватили за плечи, но каждый раз с удивленным злобным «Кар» отпускали свою добычу, или это всего лишь были ветви деревьев. Разбираться было некогда, мальчик бежал.

Туман начал редеть. Зловещее карканье раздавалось всё реже, лишь были слышны хлопки тяжелых крыльев где-то высоко над головой.

– Ай! – Ратибор споткнулся, но на ногах устоял. Вот опять кочка. Откуда она тут? Ноги дрожали и подгибались от страха, сил бежать не было, он сидел на земле, утирая расцарапанный ветвями нос.

– Надо спрятаться, – прошептал он про себя стал озираться по сторонам. Лес был всё тот же, но в его душу закралось смутное чувство – что-то изменилось.

– Это не тот лес, в который я забежал, – размышлял он вслух.

Массивные стволы деревьев, уходившие кронами вверх, стояли стройными рядами, прижавшись друг к другу как темное воинство. Своими ветвями они пере-крывали свет необычно яркой Луны. Они же, видимо, не позволили преследователю продолжить погоню – ему сейчас было просто не добраться до мальчика сквозь густое сплетение ветвей.

Но всё же медлить было нельзя, и Ратибор, наконец, решился. Слева от него показались заросли кустарника. Повертев головой в попытках понять, где сейчас кружит ворон, мальчик, прижимаясь к земле, на карачках стал пробираться в эти заросли.

На его удивление пролезть оказалось очень просто.

– Надежное же ты себе выбрал укрытие, – с насмешкой проговорил он.

Но делать было нечего: «Отсижусь, а дальше по-смотрим», – решил он, озираясь по сторонам.

Сидя в кустах у одиноко стоящего дерева, Ратибор-то и услышал тот самый пугающий хруст веток, после которого последовало предупреждение о приходе неизвестного Ба-байки и обидная шишка на лбу...

***

«Шишка-мишка, Ванька-встанька...» засело в голове и не давало покоя. Оберег снова начал разгораться теплом. Неожиданно, как не своя, пришла идея: «Нужно выбирать-ся».

Как будто прочитав его мысли, сверху раздался недовольный девичий голосок:

– Ну, ты долго там ещё сидеть будешь? Мне скучно. Давай играть!

– Это ещё кто, – прошептал мальчик, благоразумно решив спрятать оберег под рубашку, и посмотрел наверх.

На ветви дуба, который служил мальчику пристанищем, практически касаясь беглеца своими ножками, сидела девочка. На лице Ратибора застыло удивление: совсем недавно её тут не было, да он и не слышал, как она появилась: вокруг кусты, а может она тоже тут пряталась? Или...

– Это ты шумела в кустах и кидалась шишками? – грозно спросил мальчик.

– Шишками? – она фыркнула. – Вот еще, делать мне больше нечего! – При этом девочка продолжала расчесывать рукой свои длинные волосы, считая это занятие куда интереснее, чем кидаться в испуганных мальчишек всякими там шишками.

Поправив платье, она продолжила:

– Я пришла, услышав вашу возню. Мне было скучно, –

она потянулась, сладко зевнув. – Старшие ушли в Явь этих пугать, – махнув куда-то неопределенно рукой. – А меня не взяли, «мала ещё» говорят.

– Куда-куда ушли? – не понял Ратибор. Он отметил, что девочка была его ровесница, но при этом что-то взрослое проскальзывало в её манере говорить и держать себя.

– В Явь – мир людей, – тут она, перестав расчесывать свои волосы, пристально уставилась на собеседника, после чего, взвизгнув, вскочила ногами на ветку дерева, на которой сидела, и спряталась за его ствол. – Ты не навий!!! – в глазах девочки застыл страх.

– Я не что? Я не кто? – мальчик встал на ноги. – Говори понятнее, ты сама-то кто такая?

Девочка, раздумывая как поступить, ловко спрыгнула с дерева, встала перед Ратибором, в её глазах горел искренний интерес.

– И правда не навий, – она стала тыкать собеседнику в грудь свой маленький холодный пальчик. – Живой-живой, – девочка хлопала в ладоши и выплясывала вокруг него.

«Вот влип», – подумал Ратибор, и где-то в глубине сознания всплыло, как будто не его это были мысли:

Живой-живой.

Нырни в омут с головой.

Живой-живой,

Заберу тебя с собой.

Видимо, всё это он проговорил вслух, потому что девочка резко перестала прыгать и ещё более удивленными глазами, чем ранее, уставилась на Ратибора.

– Откуда ты знаешь нашу русалью песню? – она взяла его за плечи, но отдернулась, как от огня, и удивленно посмотрела на свои краснеющие руки. – Твоя рубашка жжется!

– Ру-ру-русалка??? – мальчик попятился. Когда-то давно Ратибор слышал от бабушки, что русалки – это души утопленниц, не нашедшие себе покоя.

***

Тем временем на берегу речушки рядом с праздничной поляной. Два парня пробирались по зарослям прибрежной травы, хлюпая по воде. Один из них шипел на друга.

– Тише ты ! Услышат – вопить начнут!

– Сам тише, – шедший следом был более неповоротлив и шумел при каждом шаге, как ни старался ступать незаметнее. – Ты точно уверен, что девки уже пошли купаться?

– Да точно-точно, недавно тут голоса были, кто, как не девки-то? Подумай сам, Яробор.

Тот неодобрительно смотрел товарищу в спину.

– Ходута, ежели чего не так – задам тебе трепку, хлюпаем тут, аки водяные. – Но Ходута даже не заметил угрожающего тона, всё его нутро было устремлено к воде: поглазеть на

девок.

И вот долгожданный миг, Ходута аккуратно раздвинул высокую траву у самой кромки воды, стараясь при этом не шуметь, хотя у него не особо получалось. Ладони саднили, трава резала плоть, не желая пропускать вторгшихся в ее вотчину. За спиной пыхтел Яробор. Конечно, он не признавался, что хотел увидеть купание девок, и всю дорогу говорил, что пошел за компанию. Сейчас же, разумеется, из-за спины друга ему было ничего не видно, поэтому парень уже жалел, что не пошел первым, а отправил товарища, дабы не получить по лбу от разъярённых купальщиц, если их заметят.

– Ба! – досада сквозила в голосе Ходуты. – Никого!

– Вот я тебе... – но Яробор не успел договорить, из воды раздался смешок.

– Ты слышал?

– Тссссс.

В воде начали плескаться, некоторые брызги долетали и до затаившихся парней.

– Вот свезло-то.

– Да ты дай мне посмотреть – Яробор пытался сдвинуть друга.

– Ой, гляди, – он даже слегка привстал на носочки, чтобы лучше видеть, и сам стал хорошо виден с реки.

– Осторожней, чтобы не заметили!

– Что же вы, трусишки? – озорной девичий голос насмеш-

ливо подтрунивал над парнями. – Выходите к нам, а то мы заскучали.

Над сходнями к воде показались две мокрые девичьи головы, они переглядывались между собой, озорно посматривая на парней.

– Какие вы забавные, небось целоваться пришли.

– Чего сразу целоваться-то? – Яробору наконец-то удалось протиснуться вперед Ходуты и он смог рассмотреть лица говорящих с ними девушек. Парень очень стеснялся, но старался не показывать виду, хотя краска на щеках, хорошо видимая в лунном свете, говорила сама за себя.

– Ну не хотите как хотите, – девушка демонстративно стала опускаться в воду.

– Как же не хотим! – Ходута толкнул в бок друга, на что при иных обстоятельствах не решился бы, видать, сейчас он был очень взволнован и осмелился на такое. – Давайте целоваться! – Парень взбежал на сходни и лег на доски, чтобы быть на одном уровне с девушками. И начал тянуть губы для долгожданного поцелуя, разумеется, закрыв при этом глаза.

– Вот принесешь нам Цветок Папоротника – поцелуем, – громко хохоча и расплескивая воду, девицы оттолкнулись от сходней и поплыли прочь.

Только показалось, что из воды то и дело появляются рыбки хвосты вместо ног.

– Куда это они?

– Ты еще не понял, дурень? – Яробор, ставя друга на ноги,

потряс его за плечо. – Это же русалки! Слава Богам, нас с собой не утащили.

– Цветок Папоротника, значит, – казалось, что Ходута даже не слышал друга. – Будет им Цветок Папоротника!

Берегиня

– Меня Берегиней зовут, – девочка шмыгнула носиком. – Прежнего своего имени я не помню.

Они с Ратибором сидели, прислонившись спиной к дереву, с любопытством смотря друг на друга. Первый страх прошел и сменился обоюдным интересом: когда ещё безбоязненно пообщаются русалка и всамделишный живой.

– Я думаю, что меня именно поэтому остальные с собой не берут, – погрустнела она. – Моё призвание оберегать, а не шалить и пугать людей.

– Так это же хорошо.

– Правда? – её глаза загорелись. Наверное, это был первый раз, когда её кто-то похвалил. Остальные русалки всегда издевались и зло шутили над юной подружкой: то репей к волосам прицепят, то к водяному отправят пиявок считать, а как их переловить в болоте-то? В итоге насчитать получится только тех, кто к тебе же и прицепится.

– Конечно, правда! – Ратибор вскочил. – И вообще, ты самая замечательная русалка на свете.

Берегиня смущенно потупила глазки.

– Слушай, ты говоришь, что пришла, когда услышала нашу возню? – он подался вперед. – Ты знаешь, кто был в кустах и кидал в меня шишками?

– Нет, – русалка задумчиво теребила свои волосы. – Но он точно не наш, не навий. Я его вперед почувствовала, когда плескалась у реки, потому и пришла. Он из Прави.

– Это ещё что такое?

– Правь – мир Богов, – она мечтательно посмотрела куда-то вверх.

– Ого, – мальчик почесал затылок. – Значит, за мной гнался бог?

– Я не знаю, – теперь она чуть ли не плакала, перестав казаться взрослой и рассудительной, снова став маленькой напуганной девочкой. – Думаю, что я вообще зря полезла во всю эту историю.

От таких смен настроения Ратибор окончательно запутался в её возрасте, о чём немедля и спросил:

– Берегиня, скажи, а сколько тебе лет?

– Лет? – она задумалась. – Знаешь, я даже забыла такое слово. – Мне кажется, когда я общаюсь с тобой, во мне просыпается что-то от меня прежней, живой. – Произнеся это, она быстро закрыла себе рот ладошками, будто боясь, что слово, которое не воробей, вылетит, но удержать произнесенное уже было не в её силах.

– Что это значит? – мальчик обеспокоился.

– Это значит, что тебе нельзя попадаться на глаза другим навьим, – она огляделась, как будто тут в кустах или за деревом мог быть кто-то ещё. – Как ты вообще тут очутился? Я ни разу не слышала о живом в Нави.

– Я был на празднике, там, – он махнул рукой в ту сторону, куда совсем недавно указывала Берегиня, говоря, что ее подруги ушли пугать людей. – Потом за мной погнался черный ворон.

– Ворон? – она вскочила и встала рядом с Ратибором, не дав ему договорить.

– Ну да. Ты знаешь, кто он?

– Боюсь, что да, – глаза русалки бегали, а руки начали дрожать. – Мне с ним не совладать.

– Да кто он такой-то? – мальчик топнул ногой.

– Нельзя произносить его имени, иначе он явится. Странно, что он тебя не схватил.

– Бабайка? – с радостью догадался Ратибор.

– О нет, – русалка попыталась закрыть мальчику рот, но было уже поздно. – Зря ты его позвал.

Задул промозглый ветер, и уже с другой стороны, нежели прежде, затрещали кусты, к ним приближалось что-то большое и зловещее, сумерки стали еще гуще.

– Бежим скорее! – Берегиня схватила Ратибора за руку и увлекла за собой. – Я постараюсь убереечь тебя от него, но для этого мне нужно...

Ветер заглушил её последние слова, да это было уже и не важно – они пробирались сквозь кусты в противоположном от приближающегося Бабайки направлении.

***

В полумраке дворца царил жуткий холод. Ветер свистел под потолком, и лишь через разбитые витражи пронизывался лунный свет, благодаря которому можно было разобрать, что происходит внутри.

– Поднимите ему веки! Выше, ещё выше! – властный срывающийся голос не давал шанса послушаться.

– Да не вижу я, не вижу, хватит, – жалобно кричал тот, кому поднимали веки. – Худой, я не вижу его.

Названный «Худым» махнул рукой, дескать «от-пускайте», и, зло цокая костяными шпорами об пол, начал расхаживать взад и вперед, заложив руки за спину. Его ладони были в сетке затягивающихся шрамов, как будто их резали чем-то острым. Глаза зло горели кусающимися желтыми огоньками. Потрепанный временем черный плащ развевался за спиной и при каждом резком повороте зависал в воздухе, будто норовя преобразиться в крылья. Лысая голова была непокрыта, хотя многие из присутствующих привыкли видеть на ней остроконечную корону с тонкими и длинными зубьями.

– Даже Вий, всевидящий Вий не видит его! И это в моём царстве! – Худой остановился, задумчиво уставившись на

Луны. – Дааа, дела, – процедил он, цокая языком.

– Может, мы зря всё затеяли? – раздалось бульканье из-за угла.

– Мы?! – желтые глаза зыркнули в сторону говорящего, от чего тот вздрогнул. – Ты у себя в болоте сидел и носа не показывал, пока я всё делал.

Водяной вжался в стену. Да, это был именно он, растекаясь по шершавой поверхности, словно большая лужа. Пожалев, что посмел перечить хозяину дворца, он благоразумно замолчал.

– И где этого Лешего носит? – раздался вопрос в пустоту. При этом все присутствующие попытались вжаться в стену, по примеру водяного, никто не посмел ответить Худому.

– Да здесь я, здесь, – из темноты вышел Леший. – Есть же ещё время, мы успеем!

– Успеете? – хрипло закричал названный Худым. – Да чтобы ноги вашей тут не было, пока вы не найдете Цветок Папоротника, – кто-то в углу слабо пискнул, видимо, он не был посвящен во все детали происходящего.

– Ветры мои быстрые, – продолжал хозяин. – Упыри, вурдалаки, волколаки, оборотни всех мастей, повелеваю вам найти мальчишку!

В ответ, дико завыв над головами собравшихся, сквозь прорехи в мозаике, навстречу лунному свету, стали вылетать ветры, из всех дверей и ворот замка полезли, побежали и поплыли прямо по воздуху темные тени.

– Эй, там, седлайте мне Горыныча! – крикнул Худой в темноту, в ответ раздались быстро удаляющиеся шаги.

Когда хозяин замка со своим сотоварищем остались совсем одни, и только лунный свет мог подслушать этот разговор, Леший спросил настороженно:

– Думаешь, Цвет у мальчонки?

– Не знаю, – зло фыркнул собеседник. – Чувствую только, что он как-то связан с ним.

– Расскажи, что случилось с Цветком, – Леший на-клонился вперед.

– Сегодня как раз такая ночь, когда граница между Навью и Явью слаба, размыта и нечетка, Цветок был в порубежье – на самой границе, в тумане. Его мог взять как живой, так и навий.

– Именно поэтому мы решили действовать этой ночью, – кивнул Хозяин леса.

– Я уже сорвал его и собирался уходить в Навь, как тут, – его собеседник подался ещё сильнее вперед, – меня ослепило, словно Дажьбог лично посмел вторгнуться в мои владения. Но это был не он, – молчание повисло в пустом замке.

– Есть догадки? – вопрос Лешего прозвучал слегка отстраненно и уже более спокойно.

– В том то и дело, что нет. Когда я смог снова видеть, Цветка уже не было на месте. Я обернулся в ворона и полетел по границе своего Царства. Дальше мне дороги нет... пока нет, – зло усмехнулся Худой. – Лишь только мы добудем

Цветок, и нам уже будет не нужен мост через реку Смородину, который охраняет эта старая карга, – он поморщился, – чтобы перейти в Явь. Мои легионы готовы, осталось лишь найти Цветок и успеть в эту ночь, – потирая руки, продолжил он.

– Так откуда взялся этот мальчишка?

– Я встретил его на самой границе, он как-то связан со всем происходящим, и я не знаю ещё пока, как, – он выпрямился. – Кстати, у меня для тебя отдельное поручение.

***

*Баю, баю, баю, бай,
Поскорее засытай,
Баю, баю, баю, бай,
А не то придет Бабай,*

– Ой, ну не могу, – давно забытая бабушкина песенка почему-то именно сейчас вспомнилась Ратибору. Мальчик еле сдерживался от смеха. – Вот умора.

– Да тише ты, услышит же, – Берегиня сильно нервничала. Ей ещё никогда не приходилось тягаться в силе с таким могучим существом, как Бабайка.

Она крепкой хваткой зажала мальчику рот, отчего на водной глади пошли небольшие колебания. Пузырьков воздуха не было.

В самом начале Ратибор сильно удивился, когда после долгого бега его спутница прошептала: «Скорее в воду», – плавал он не очень. Ещё большим был испуг, когда девочка потащила его на дно, крепко держа руками. Все попытки выбраться были тщетны, руки русалки, холодные и сильные, держали мертвой хваткой.

«Ну всё, приплыли», – мелькнуло у него в голове.

Минуты через три он понял, что спокойно дышит под водой и даже может говорить со своей спасительнице-утопительницей.

– Странно, твоя рубашка не жжет, – тем временем продолжила она. – Видимо, она действует только на того, кто может причинить тебе вред. Где ты взял такое сокровище?

– Мне его бабушка сшила, – заявил он гордо.

– Бабушка? – вытаращила глаза русалка, отчего стала похожа на одну из проплывающих рыб. – Как её имя?

– Она – Бабушка... Имя? – Ратибор призадумался. Она всегда для него была просто Бабушкой. Так что этот вопрос просто поставил его в тупик. – Василиса её имя.

Русалка побледнела, что было очень трудно ожидать от нее и так бледной, и тем более в воде. Но сейчас девочка стала совсем белой, чуть ли не прозрачной.

Они на время замолчали. Вода была приятно теплой, хотя изначально показалась весьма прохладной. Дрыгая ногами, разгоняя при этом донный ил, Ратибор по привычке пытался держаться на воде.

– Не мути воду! – русалка с небольшим усилием подняла его выше, чтобы мальчик не мог выдать их своим бултыханием.

– Почему я не утонул? – этот вопрос интересовал его все больше и больше.

– Если я правильно поняла, ты теперь вроде как тоже нажив. – Он побледнел пуще русалки. – Но при этом ты и живой. Я не ведаю, как такое вышло, но знаю, у кого можно спросить. И тебе она точно даст ответ, внук Василисы.

На водную гладь легла черная тень.

– Это он, – едва слышно шепотом сказала русалка.

Мальчик сквозь водную массу видел размытую фигуру ночного кошмара всех карапузов: темный, кривобокий, хромающий старик в обветшалой хламиде был хорошо виден на фоне Луны. Он топтался на месте, озираясь по сторонам и обнюхивая воздух, при этом водил опущенными к воде ладонями, приговаривая:

Чую-чую, где-то тут,

Чую-чую, не уйдут.

Чую-чую, попадут

В мои лапы.

Это было так забавно и нелепо, что Ратибор не выдержал и засмеялся. Русалка закрыла ему рот, но водная гладь уже пошла рябью. Бабайка пустыми черными немигающими гла-

зами уставился в воду. Он смотрел прямо в глаза мальчика, что у того начали дрожать руки.

Медленно садясь на корточки, их преследователь протянул руку к воде, растопырив кривые пальцы. Покачивая головой налево-направо, он угрожающе продолжал: «Чую-чую...»

В этот момент на груди Ратибора, как будто взорвался вулкан – оберег под рубашкой нагрелся до такой степени, что обкатил всего мальчика теплом. Русалка ойкнула и отстранилась от него.

В голову пришли слова «Чур, меня, Чур, не я!», – Ратибор начал их повторять, отчего водная гладь пошла волной. Но Бабайка уже ничего не видел. Он резко встал, что было необычно для хромца. Произносимое: «Чую-чую», – было очень жалобным. Голос смолк. И, спустя мгновение, едва не плача молвив: «Не чую, не...», ночной кошмар растворился в воздухе.

***

– И кто теперь чей спаситель? – Берегиня сидела на траве у озера, положив руки на колени и уткнувшись в них лбом, мокрая, залепанная болотной тиной. Периодически поднимая голову, она всхлипывала. Вид у нее был жалкий. – Я снова не справилась, не сберегла.

– Что ты, что ты, – мальчик сидел сбоку, успокаивающе

положив руку ей на плечо, отчего её плечу стало тепло. – Если бы не ты...

– Если бы не вот ЭТО, – русалка не дала ему закончить, указав пальцем на грудь Ратибора, точнее на висящий там оберег. – Он бы нас нашел!

Мальчик сжал оберег в кулаке и, встав, сделал шаг назад. Она шмыгнула, утерев нос пальцем, и продолжила:

– Ты полон сюрпризов, как сундук с сокровищами. – Девочка встала и, топнув ножкой, произнесла: – А ну, показывай, что там от меня прячешь! А то обижусь, – затем надула щечки.

Делать было нечего, мальчик вытащил оберег и, положив на ладонь, показал русалке. Та охнула, совсем по-девчачьи схватившись ладошками за щеки.

– Он-то у тебя откуда? – она протянула руку, но так и не решилась прикоснуться. Ратибору показалось, что при этом оберег слегка нагрелся.

– Друг подарил.

– Ты хоть знаешь, что это такое?

– Спица колесницы Хорса, – не задумываясь выпалил Ратибор, повторяя слова кудрявого белобрысого незнакомца.

– Спица... колесницы... – глаза русалки начали сиять, по лицу медленно поползла улыбка. – Какая же это спица? Кто тебе такое сказал?

– Кто нужно, тот и сказал, – обиженным тоном молвил мальчик, быстро убирая оберег обратно под рубаху. – Чего

ты смеешься-то?

Русалка заливалась хохотом.

– Спица... ахахах... колесницы... хахахахах... ик... хахахахах... Хорса... А почему не молния Перуна? – она немного успокоилась. – Да каждый навий его чувствует. Откуда он у тебя? Это же...

Договорить им не дали.

Из-за бурного смеха и громкого разговора они не услышали приближающихся шагов. Прятаться было поздно. К счастью, идущий тоже не обращал внимания на происходящее по сторонам, разговаривал с самим собой.

– Тоже мне, в болоте я сидел, ничего не делал. Он только один все тут делает.

Чем ближе идущий подходил к берегу, тем отчетливее было слышно бульканье: то ли в его шагах, то ли в словах, а может, и во всем одновременно.

Ребята поднялись на ноги. Ратибор видел, что Берегиня сильно испугана, наверно, она знакома с приближающимся к ним.

– А кто русалок послал людей отвлекать, чтобы они за Папоротником не пошли раньше времени? Кто воду мутит, чтобы не купались, да улов рыбакам хороший дал, чтобы заняты были и не мешались?

С его приближением в воде начали плескаться мелкие рыбы.

– Эх, жизнь моя-я-я... – погруженный в свои думы он чуть

было не прошел мимо Ратибора и Берегини, за-стывших в испуге на берегу. Но все-таки в последний момент опустил занесенную над водой ногу на берег, сделал шаг назад, поравнявшись с испуганными друзьями.

– Так, ты почему, – уже будничным тоном начал Водяной, – не ушла с остальными? Снова измываются над тобой? Ух, я им... – продолжить он не успел.

Взгляд хозяина водоема уставился на мальчика.

– Так, так, так. Что тут у нас: молодая русалочка и живой, – он почесал затылок. – Самому, что ли, утопить тебя?

Залезать в очередной раз в воду, а тем паче топиться не хотелось. Поэтому Ратибор со словами:

– Как вы мне все уже надоели сегодня, – недолго думая, быстро подошел к опешившему Водяному и толкнул его в озеро со словами: «Да, кем бы ты ни был – сгинь», – после чего схватил удивленную Берегиню за руку и дал стрекача. За их спиной раздался громкий «Бульк!».

Оберег медленно остывал на груди мальчика.

***

Каждый раз, когда они сбивались с пути и вновь его находили, делали повороты или возвращались назад в поисках тропинки, Ратибор не переставал удивляться, как же это Берегине удастся так ориентироваться в этих дебрях. Казалось, что она видит в темноте, как кошка. Мальчик же, наоборот,

практически ничего не видел, будь он тут один – заблудился бы после первых десяти шагов.

Русалка вела его за ответами на вопросы. Хотя мальчик искренне сомневался, что получится разобраться во всех загадках купальской ночи. С каждый разом загадки и странности только росли, а ответов все не было.

– Стой. Послушаем лес, – девочка резко остановилась. Ратибор едва не сбил её с ног.

– Чего его слушать-то...

– Тсссс, – она не дала ему договорить. – Так странно. За нами нет погони, меня это пугает.

Порассуждать о том, что наличие погони это плохо, а не наоборот, ему не дали. Берегиня схватила спутника за руку и продолжила путь, с опаской оглядываясь.

– Так куда ты меня тащишь-то? – после нескольких минут молчания мальчик не выдержал.

– Если она тебе не поможет, уже никто помочь не сможет.

– К кому к ней-то? Хватит говорить загадками, – мальчик немного замедлил шаг и топнул ногой. – И так уже полно загадок, хочу разгадки.

Берегиня промолчала. Вопросы так и остались висеть в воздухе.

От леса пахло сыростью, Ратибор мерз и постоянно ежил-ся. Вдруг мальчику показалось, что сзади раздалось жалобное: «Аууу!»

– О, нет, – русалка ускорила шаг, практически волоком

уже таща Ратибора за собой.

Порою они переходили на бег. Но ночью в лесу особо не побегаешь. И всё чаще то слева, то справа слышалось: «Аууу-аууу-ауукка», и этот непонятный «аууука» становился все отчетливее.

– Всё-таки догнали, – в голосе девочки была дрожь.

– Кто это?

– Леший и его свита. Дальше дороги нет.

Деревья закрывали им проход, кусты хватали за ноги, вперед было не протиснуться.

Оберег на груди начал раскаляться. Ратибор даже ждал этого, он уже понял, что оберег может действительно помочь выйти победителем в борьбе с нечистой.

– Я буду сражаться! – мальчик заслонил спутницу, встав перед надвигающимся Лешим.

– Ау-аука. Зачем сражаться? – говорящего не было видно, голос раздавался попеременно со всех сторон: либо это было такое странное эхо, либо преследователь мог перемещаться с невероятной скоростью. – Ау...

– Ты один, что ли? – русалка выступила вперед из-за спины Ратибора.

– Да, Аука-ау, – вперед, зависая над землей, проступило нечто небольшое и темное, но в сумраке было невозможно разглядеть, кто стоял напротив них. – Я один. Я никому не сказал, что увидел тебя с живым. Поделись им со мной...

Застыла тишина. В груди мальчика сильно билось сердце:

«Как это, поделиться мной? Неужели она меня вела в западню? Для чего я ей?»

Не дождавшись ответа, преследователь продолжил:

– Я маленький, ты маленькая, нам его хватит на двоих, – голос был просящий и жалобный.

– Аука – лесной дух, – видимо, она знала говорящего. – Ты из немногих был всегда добр ко мне, указывал дорогу, а не водил по чащобам, – в голосе Берегини звучала сталь. – Уйди по добру, дай пройти и открой нам тропу. Тебе со мной не справиться!

– Ау-ау-аука, – звук снова начал метаться, он звучал то в кустах, то на поляне, а то и в кромках деревьев. А затем с визгом: «Моё, не отдам!» ринулся на них, опрокинув русалку на землю.

***

На поляне был разгар праздника. Светила полная Луна, что само по себе было редкостью на Купалу.

Гой, Купала! Гой, Ярило!

С утра за водой ходила.

Гой, Ярило! Гой, Купала!

Водяного повстречала.

Повстречался Водяной,

Увязался он за мной.

Гой, Ярило! Гой, Купала!
Коромыслом отгоняла...

Тут и там затевались хороводные игры, девушки подмигивали парням, весело хохоча и убегая от их объятий в самый последний момент.

Уже совсем скоро мужчины будут пытаться захватить березку, а после удачного захвата жечь её вместе с Ярилой, весенним Солнышком, в виде соломенного чучела, путив их горящими вниз по реке. Так повелось издревле и было всегда. А уже после всего этого будет зажжен и сам Купалец – костер высотой в девять или десять метров, и жизнь новому Солнцу будет дана.

Среди гуляющего люда шел старик, крепкий, с густой бородой. Все знали его в деревне как деда Пахома. Видели его редко, он жил бирюком в лесу, неподалеку, в своей сторожке. Питался охотой и промыслом, часто помогал деревенским: с кем приключилась беда в чаще или какая хворь. В душу не лез, но и в помощи не отказывал. Его все уважали, но сторонились. Веяло от него чем-то таким: суровым, лесным и диким – звериным.

Он шел к кромке леса, изредка поглядывая на сложенный и готовый к зажжению купальский костер. Что-то бормоча себе в бороду и постукивая по земле посохом, он только собрался нырнуть под покров леса, как из толпы к нему быстрым шагом двинулась статная фигура.

– Ну, здравствуй, Пахом, – бабушка Ратибора поклонилась в ноги. – Или лучше именовать тебя Хозяин? Лишних ушей тут нет.

– Полно тебе, Василиса-рукодельница, – он нехотя остановился, озираясь, до опушки оставалось немногим шагов двадцать. – К чему нам все эти титулы?

– По добру ли к нам или лихое чего таишь в такой час? – она встала буквицей «Ферт», уперев кулаки в свои бока.

– Не буди Лихо, ежели спит оно тихо, – старик смотрел на нее грозным немигающим взглядом. – А ведь я тебя еще маленькой помню, на руках даже качал, приходилось как-то. Гляди ж ты, вымахала, отца забыла, в гости к нам не захаживаешь.

– По что же забыла-то? Помню-помню, такое не забудешь. А в гости не хожу, то верно, отец суров, я с прошлого раза с его лягушачьей шкуры долго оправлялась, Ивана мне чуть не погубил. – Бабушка Ратибора взяла старика под локоть и повела по кромке леса, обходя поляну. – На руках, значит, качал, говоришь, любо-дорого послушать.

– Да, Василиса названная Премудрой, – он нехотя пошел с ней рядом, пару раз оглянувшись на то место, где хотел уйти в лес. – Так ты свою вину перед ним искупи, он, глядишь, и будет милостив к тебе!

– Милостив? Он?! – бабушка Ратибора звонко расхохоталась. – Вину, значит, искупить, может, ещё из его мертвой чаши испить, чтобы не было мне дороги в Явь?

– Зачем же ты так, – спутник поморщился.

– Я лучше тебя знаю своего отца! – она улыбалась. – А теперь побудь тут, мне своими силами с тобой не совладать, но в этом месте не только мои силы.

Сказав это, бабушка Ратибора легкими шажками вышла из круга, в который завела деда Пахома, названного Хозяином. Тот только сейчас осмотрелся по сторонам и понял, что находится в каменном лабиринте. Камни были крупными, но не более его лодыжки. Только выход для старика был там, где вход, не мог он, как Василиса просто перескочить через невысокую стену лабиринта Судьбы.

– Именем своим зарекаю: нет тут дороги ни пешему, ни конному, ни пролететь и ни проползти, пока слово мое будет крепко! Быть так! – бабушка Ратибора, успев добежать до входа в западню, что-то резко бросила оземь, пошел небольшой дымок, который быстро развеялся.

Дико взревев, дед Пахом прорычал из центра лабиринта, зло постукивая своим посохом оземь:

– Нет тебе больше дороги в мой лес! Нет... – тут он осекся и уставился в гущу деревьев, практически в то же место, где хотел уйти с поляны. И ему слабым дуновением ветра доносилось удивленное: «Твой лес?!» Отчего Пахом, как подкошенный, сел в центре лабиринта и жалобно заскулил, словно побитая дворняга.

Василиса тоже обернулась в ту сторону, будто и она услышала. Ей показалось, что за деревьями медленно скрылась

ть, похожая на большого черного медведя.

Туман стал густеть, как будто чьё-то войско окружило поляну.

***

– Ратиборчик, миленький мой, ну очнись, – это было первое, что услышал мальчик, когда начал приходить в себя.

– Мы еще живы?

– Наконец-то, – Берегиня засияла и начала утирать свои слезы. – Ты уже долго так лежишь, что я перепуга-лась за тебя.

Ратибор медленно сел, покачав головой, осмотрел-ся: тот же темный лес, только почему-то все деревья вокруг них были обуглены, тлели головешки и кое-где еще догорали маленькие языки пламени, слабо освещая место недавнего боя.

– Что случилось?

– Когда Аука кинулся на тебя, твой оберег залился светом, а потом как шандарахнуло, – она показала рукой на тлеющие деревья вокруг. – И вот что вышло.

– Ты-то цела? – мальчик осмотрел её с ног до голо-вы.

– Я-то да, меня отбросило в кусты. Ты спалил часть леса. Зато теперь нам опять открыта тропа, – русалка указала в сторону исчезнувшей преграды. Сейчас в том месте густел темнотой проход.

– Кто на нас напал?

– Это был Аука – мелкий лесной дух из подручных Лешего. Даже я сильнее его, но почему-то не справилась, – девочка провела рукой около глаза, будто бы утерла слезу.

– Никогда не думал, что русалки умеют плакать.

– Нет, не умеем. Наплакались в прошлой жизни. Зато смеемся всласть. Обычно это последнее, что слышат живые, – она смотрела на него виновато. – Чем дольше я с тобой провожу времени, тем больше человеческого во мне просыпается и тем слабее я становлюсь в Нави.

– Так, значит, я тебе для этого? – Ратибор вскочил, но ойкнул и присел обратно – закружилась голова.

– Нет, ты что? Ты единственный друг за все время моего существования в Нави, а прежней своей жизни я и не помню.

Они сидели, молча держась за руки. Ратибор еще многое хотел спросить у Берегини, но никак не решался.

– Нужно идти, сейчас на шум еще кого-нибудь принесет, – русалка была собрана – от плачущей девочки не осталось и следа.

Оставшийся участок леса они прошли без приключений. И уже совсем скоро вышли на освещенную лунным светом поляну.

– Это ты меня куда привела? – Ратибор стоял как вкопанный, смотря то на русалку, то на поляну, открывшуюся его взору.

А посмотреть тут было на что. Центр поляны окружал высокий деревянный слегка покосившийся забор. Тут и там

над забором возвышались колья с черепами. Глазницы черепов светились слабым светом, который перемещался по полюне, как будто обшаривая её. За забором едва виднелась избушка. Через прорехи в заборе мальчику показалось, что изба стоит на двух толстых столбах. Но тут один из этих столбов, согнувшись, оторвался от земли и огромными когтями почесал второй шершавый столб. Затем изба потопталась на месте. Мальчика наконец-то осенило:

– Неужели избушка Бабы Яги?

– Кроме неё тебе никто не поможет, – русалка потянула мальчика за рукав рубахи. – Идем уже!

В гостях у Бабы Яги

Сочная спелая ягода быстро таяла во рту. Вкусный аромат свежей клубники витал по избе, ударяя в нос манящим: «Съешь меня, съешь!». Мальчик ел, уплетая за обе щеки.

Самым удивительным было то, что клубника сама запрыгивала из тарелки в рот. Когда хозяйка избы сказала мимоходом: «Ешь сколько хочешь, вот тебе, чтобы руки не марасть», – и щёлкнула пальцем, мальчик с непониманием раскрыл рот, в вопросительном «Аа?». Тут-то первая ягода и запрыгнула, видимо, желая, чтоб её скорее съели. Самым сложным было приноровиться: если долго держать рот открытым – ягоды начинают запрыгивать, не переставая, и, уже

не влезая, просто щекотно щелкают по носу и губам и валяются в разных направлениях.

– Проголодался, касатик? – Бабушка Яга, именно так она просила называть её, улыбаясь, погладила мальчика по голове. Отчего тот сглотнул.

– Благодарим, Бабушка, за приют и угощение, – молвила Берегиня, сидевшая за столом рядом с Ратибором, жуя горячий, только из печки, хлеб и запивая его молоком.

На самом деле, хоть мальчик и боялся поначалу, всё прошло очень гладко: избушка не кочевряжилась, а сразу повернулась к лесу задом, а к ним передом и впустила неожиданных гостей; Яга не пыталась съесть ребят или учинить чего худого, а посадила за стол и накормила. Да и сама хозяйка избы была не кривой злой старухой, как мальчик представлял себе. Она была чем-то похожа на

бабушку Василису, только намного старше, сутулее. Даже голос хозяйки напоминал бабушку, так что мальчик расслабился и лишь иногда вздрагивал, вспоминая, где он и с кем.

– Проголодались, набегались, – Яга стояла перед столом и, улыбаясь, смотрела на гостей. Ратибор отметил, что русалку это совсем не смущало, как будто один из жутких страхов всех карапузов так и должен себя вести. – Я смотрю, ты никак не успокоишься, внучок?

Мальчик открыл рот от удивления, дескать «какой я тебе внучек», отчего туда запрыгнуло столько ягод, что снова

пришлось жевать.

За окном щебетали птицы, летали бабочки и светило яркое Солнце, хоть зажмуривайся. Да-да, самое настоящее Солнце и дневной свет. Вдаль стелилась зеленая поляна, переходя в красивый хвойный лес. Ратибор несколько раз ещё проверил, когда вошел: за дверью ночь и полная Луна, за окном день и яркое Солнце.

– Я, конечно же, глаза всем отвела и дорогу сюда замела, не найдут вас в скором времени, – продолжала хозяйка свою речь. – Да вот чудится мне, что не хорониться вам надо, а действовать, пока совсем поздно не стало.

– Поздно для чего? – мальчик успел поймать ягоду на лету, отчего та брызнула на него соком, раздавленная пальцами.

– Ну вот, испачкался, – Яга проговорила с сожалением. Щелчок пальцами, и ягоды перестали запрыгивать в рот к Ратибору. – Коли вы наелись, будем о деле говорить. Рассказывайте, с чем пожаловали, гости дорогие!

***

– Теперь ты не русалочка, а Аленушка, – смеялся Ратибор, прижав кулак ко рту, чтобы не залиться ещё большим смехом.

– Дааа, – загадочно протянула девочка, примеряя свой новый наряд и вертясь перед медным тазиком, который был на-

терт до блеска и отражал девочку лучше всякого зеркала. – Так славно, – она захлопала в ладоши и запрыгала на месте.

Берегиня уже несколько раз примеряла и перемеряла платье из сундука Бабы Яги, вертелась у своего тазика-зеркала, хихикала и хлопала в ладоши. На её щеках горел едва заметный румянец.

После долгой беседы хозяйка быстро покинула избу, ребята остались вдвоем и были посвящены сами себе.

– Откуда у нее столько нарядов, – мальчик сидел на печи, сверху наблюдая за всем происходящим.

– Знаешь, я никогда об этом не задумывалась, – девочка захлопнула крышку сундука, уселась сверху. Сейчас на ней был белый сарафан, на рукавах и подоле которого красовались витиеватые узоры, подобные узорам на рубахе собседника. – Я частенько захоживаю к Бабушке Яге, она очень добра ко мне. Иногда разрешает мне надевать эти платьишки, говорит, мол: «Так в тебе останется хоть что-то человеческое и Навь не поглотит тебя окончательно». Я не ведаю, откуда они у Яги, но один раз бабушка обмолвилась, что это одежда её дочери.

В воздухе повис невысказанный вопрос Ратибора: «Разве у Бабы Яги есть дочь?»

Раздался скрип двери, ребята вздрогнули и посмотрели в ту сторону: Ратибор с испугом, Берегиня с надеждой. Но это была не Яга, в дверной проем протиснулся угольно-черный кот с горящими зелеными глазами.

– Баюша, Баюнчик, – русалка потянула к нему руки, словно ожидая, что кот примет приглашение и пойдет к ней, но кот, издав вальяжное «Мур-мяу», поспешил к миске с молоком, стоящей подле стола.

– Ты бы хотела снова стать живой? – мальчик теребил в руках подол своей рубашки.

– Ты что, конечно, хочу, – Берегиня вскочила с сундука и сделала шаг к собеседнику. На глазах девочки наворачивались слезы. – Я чужая тут, все меня не любят, русалки издеваются, только вот Бабушка Яга добра ко мне, говорит: «Придет ещё твоё время». А когда оно придет-то?

– Я бы всё готов сделать, чтобы это произошло, – Ратибор сжал кулаки. Ни он, ни русалка не заметили, что при этих словах кот перестал лакать молоко, пристально посмотрел на мальчика, переведя взгляд на Берегиню. – Вот только я не знаю, что для этого нужно.

Баюн подошел к девочке и начал тереться о её ноги.

– Я иногда втихаря пробиралась за другими русалками, когда они ходили людей пугать, чтобы взглянуть на Явь, – мечтательно уставившись на мальчика, она начала говорить неожиданного, но при этом как будто не замечая его. – Мне больше всего запомнились Звезды. Я никогда их не видела, ведь в Нави нет Звезд, только черное безмолвие над головой и вечный сумрак.

– Я тоже люблю смотреть на звезды.

– Вы, живые, даже не цените то, что имеете, – она, словно

не слыша его, продолжала говорить больше для самой себя. – Они такие ласковые, дарят свет, как Солнце, хотя и его я не видела. В избе Яги есть солнечный свет, но нет Солнца, ты заметил это?

Ратибор только сейчас понял, чего не хватало во всей этой радужной картине мира за окном – там не было Солнца.

– Бабушка часто мне рассказывала о жизни там, за Калиновым мостом, за рекой Смородиной, – она махнула рукой в сторону. – Только нет мне там прохода, лишь через туман, да и то на небольшой миг.

За дверью послышалось: «Ох, мухоморы ёжики, свалились мне на голову», – поспешные шаги по лестнице, и дверь резко распахнулась.

На пороге стояла Яга, запыхавшаяся и растрепанная, с метлой в руке.

– А ну живо в чулан! – палец с длинным кривым ногтем указал в угол за сундуком. – И чтобы тише травы, ниже воды... Тьфу ты... Выше травы... ай. – Решив не продолжать, она захлопнула дверь и метлой погнала ребят в указанный чулан.

Оберег на шее Ратибора горел огнем, как никогда раньше.

– И ты ещё не вовремя, – обращаясь к оберегу сказала хозяйка избушки. Она провела рукой над ним, и оберег погас. – Баюн, иди с ними, смотри, чтобы чего не вышло.

После того как ребята спрятались, Баба Яга начала мести перед чуланом своей метлой, приговаривая:

*Тропы явные, тропы скрытные,
Век идти по ночной тишине.
Для иных все пути – закрытые,
Отворяется путь только мне.*

Очередной раз в эту ночь в избушке раздался скрип входной двери.

***

Праздничная поляна была практически пустой. Люди копошились на берегу у воды. Оттуда были слышны песни и радостные голоса. Настала пора попрощаться со старым светилом – огненное колесо, как символ умирающего Солнца, готовили опустить в воду. Наступало самое темное время этой ночи. Время, когда Ярило уже покинул небосвод, а Дажьбог ещё на него не вступил. И пока не будет возжён главный костер праздника – Купалец, можно найти Цветок Папоротника и клад под ним.

Дед Пахом, грузный и понурый, сидел в центре каменного лабиринта. Лабиринт спиралью раскручивался из центра, и вот он – родной лес, иди в свои уголья! Но слово Василисы держало пуще оков.

– Что, Старый, сидишь? – раздалось от края круга лабиринта за спиной узника.

Пахом нехотя повернулся. Он был удивлен, вряд ли кто из местных посмел бы с ним так разговаривать, его уважали и, пуще этого, боялись, хотя он и был добр к сельчанам.

Говоривший продолжил:

– Какого Лешего тебя занесло сюда? – туман подступил вплотную к лабиринту, он уже стелился и по поляне, скрывая задающего вопрос, лишь его силуэт был слегка различим.

– Иди атседа, подббру! – Пахом махнул рукой, указывая куда стоит пойти собеседнику. Деда передернуло от произнесенного имени Лешего, и он начал злиться сильнее.

– А что ты мне сделаешь? – насмешка сквозила в голосе. – Ты в западне сидишь, и до Купальца тебе не выбраться.

Пахом резко встал, сейчас он был похож на шатуна, свирепого и опасного. Яростный взгляд буравил туман. «Только покажись, только дай мне тебя узнать, в век из моего леса не выйдешь», – думал он, постукивая посохом по земле.

– Взглядом пронзить пытаешься, Лесной Хозяин? – говоривший, видимо, хорошо представлял, кто скрывался под личиной Деда Пахома, и нисколечко не боялся его гнева.

Узник зарычал. В тумане запели волки.

– Говори, с чем пожаловал. Вижу, ты неробкого десятка, коли глаголешь так дерзко, зная, кто перед тобой, – Пахом немного успокоился.

Незнакомец повел рукой, туман, словно подвластный ему, расступился. Но даже сейчас невозможно было разгля-

деть говорящего из темноты. Виден был лишь его черных балахон, закрывающий лицо, и пепельный, как сама ночь, плащ. В лунном свете он даже прозванному Хозяином казался зловещим. Говоривший сделал еще несколько пасов своим посохом, навершие которого украшал белый череп, и туман окончательно расступился в том месте, где стоял незнакомец.

– Зови меня – Черный Колдун, – говорил он уверенно. – Я знаю, что задумал твой хозяин. – Пахом снова дернулся, он сам был себе хозяином. – И готов помочь тебе выбраться, чтобы ты продолжил задуманное.

– Ну так, помоги, чего же ты многословишь-то?! – Пахом ухмыльнулся в бороду.

– Даром ничего не бывает, уж ты-то знаешь, Хозяин.

– Чего же хочешь?

– Плату свою приду просить позже, как дело сделаете, договорились?

– Делай уже, коли пришел.

Подул сильный ледяной ветер, Пахом поёжился. Черный Колдун поднял свой посох и начал что-то шептать и водить свободной рукой перед собой. Земля под лабиринтом ходила ходуном. Камни, из которых он был сложен – увесистые валуны, начали медленно уходить под землю. Пахому казалось, что тут и там костлявые руки вылезают из земли, цепляют камни и тянут их вниз.

Путь был открыт – часть лабиринта просто отсутствова-

ла. Колдун тоже куда-то пропал, растворился во вновь на-
двинувшемся тумане. Долго не думая, Дед Па-хом последо-
вал примеру своего избавителя – ушел в туман.

Лишь после этого волки перестали выть, и над поляной
стихли все звуки.

***

Дверь в избушку на курьих ножках в очередной раз за эту
ночь протяжно скрипнула, нехотя закрываясь. Черный плащ
мел пол избы, звенели шпоры на сапогах, на несколько се-
кунд в воздухе повисла зловещая тишина.

– Принимай гостей, хозяйка, – надменно и величаво мол-
вил вошедший.

– Незванный гость хуже Тугарина, – Баба Яга стояла посре-
ди комнаты, оперевшись на свою метлу. Вид у нее был напу-
ганный, но боевой. – Чего явился?

– Поди ты не знаешь, Ведающая?! – Он был высок и худ,
лысая голова, обтянутая смуглой кожей, немигающий взгляд
и крючковатый нос могли заставить любого впасть в пани-
ку. А еще от него веяло Силой. Страшной, не признающей
неповиновения Силой. – Весь лес на ушах стоит, а ты не зна-
ешь, дескать?!

– Слышу звон, да не знаю, где он, – лукаво сказала Яга и,
указав ему на стол, продолжила: – Ты чего с по-рога ворвал-
ся, да пытаться меня вздумал, а, Худой? Са-дись, отведай моих

пирогов с кренделями, потом и по-говорим.

Он остался на месте и начал перебирать в руках маленькие четки из белых камней. Когда Яга присмотрелась повнимательнее, то увидела, что камни выточены в маленькие черепя, и охнула: «Батюшки!» Вошедший проследил её взгляд, быстро убрал четки куда-то под свой черный плащ, говоря:

– Ну что, старая, по-хорошему договоримся, али как? – глаза его горели красным. – Чую, у тебя тут где-то спрятался, укрылся живой. Весь лес обшарили, негде ему

таиться более. Дальше уйти он не мог, просто не успел бы без чьей-то помощи.

– Бузить вздумал, Кощей! – Баба Яга щелкнула пальцем, и свет из окна уже не был ласковым и дневным, там стояла ночь. Избу освещали только несколько горящих лучин. Черепя с частокола смотрели в упор на гостя. – Гость остается гостем, пока в доме есть хозяин! В этом доме – я хозяйка.

– Недолго, старая, – он подошел к ней вплотную. Две немигающих пары глаз смотрели друг на друга. Две вечности, голодные бездны бытия встретились, но столкновения пока избежать удалось. – Боги живы, пока в них кто-то верит. Моя сила с каждым часом растет, скоро мне будет мало одной Нави.

– Вижу, что ты задумал. Не лопни только, – она по-ставила перед ним метлу, с досадой сделав шаг назад.

– Я-то не лопну, а вот твой последний час близится, Макошь, – он с усмешкой фыркнул. – Хотя, кто теперь тебя так

называет? У живых короткая память, для них ты злая Баба Яга, даже уже не Ведающая, а просто старая ведьма, крадущая детей.

– Это мы еще поглядим.

– Что ты так цепляешься за этого мальчишку? – он снова обвёл взглядом избу.

– Он внук Василисы, – Яга стояла только за счет метлы, готовая вот-вот упасть. Нелегко ей давалось скрывать чулан от всевидящего взора Кашея.

– Что-о??? – тот просто рассвирепел. обнажив острые клыки и воздев руки с растопыренными пальцами вверх, пришелец был готов разнести всю избу.

Тут из чулана раздался грохот, как будто что-то тяжелое упало на пол.

– Чулан! – только сейчас Кашей обратил внимание на него, до этого убежище Ратибора было скрыто от взора хозяина Нави. – Вот ведьма! – прокричал он, направляясь к чулану, мимо осевшей на пол и едва державшей метлу Бабы Яги.

Как ни в чем не бывало, из-за занавески вышел кот Баюн, облизывая сметану с морды. Он посмотрел недо-вольно на Кашея и улегся у ног хозяйки, которая начала его медленно гладить.

Кашей резко отодвинул занавеску, но там было пусто. Точнее не пусто, а много хозяйственной утвари, разбитая

крынка и лужа сметаны на полу.

– Чую-чую, русским духом пахнет, – обернулся он к хозяйке избы. – Ладно, тобой займусь позже.

И уже на выходе его догнали еле слышимые слова Бабы Яги:

– Чернобог, я не пропущу твои легионы через Калинов мост, тебе не пройти!

Он обернулся, но она уже лежала ничком на полу, между ними стоял ошестинившийся кот.

Дверь захлопнулась.

***

Тем временем праздник переместился к воде. У реки стоял гомон. Одни толкались на сходнях к воде, кто-то у зажигаемого колеса на пригорке. Все ждали – скорей бы!

– Масла подлей поболее.

– Да не мешай ты.

– Разойдись!

Мужчины факелом пытались поджечь колесо – получилось не очень.

Раздался всплеск.

– Ой ты батюшки, неужели русалки?

Люди как по команде посмотрели в воду, но ничего не было видно – огни факелов освещали только часть реки.

Василиса нервничала. Что-то шло не так. Завыли волки.

Как будто злая кошка начала скрестись у бабушки Ратибора на груди. Уже не дожидаясь ухода чучела Ярилы в водную гладь, она побежала к лабиринту. Люди посмотрели ей в след, но, не придав значения, продолжили заниматься прежним делом – бабка Василиса славилась своими чудачествами.

Она опоздала.

Василиса уселась на земле у одного из оставшихся валунов, со слезами разглядывая разрушенный лабиринт Судьбы. Малой ценой отворотить беду не получилось, видимо, пришло время действовать всерьез.

Сколько уже лет она берегла Влесов Ключ от лиходейских деяний детей Нави. Её сторонились, хотя в трудные минуты хвори, когда врачи не могли помочь больному, бежали именно к ней. И она помогала, жаль, что не всегда ей удавалось это – жизнь среди людей не делает сильнее таких, как она.

– Навьи дети ещё живут среди нас, – молвила ба-бушка Ратибора, опустив взгляд. – И сила их растёт.

Подняв голову к диску огромной полной Луны, она растяжно запела.

*Ой, пойду по воду,
Да в лесах оводом,
Да в степи колосом,
Ветра быть голосом.*

*Приключилась кручинушка,
Ох, судьбина-судьбинушка
У забытого омута
Жду незримого повода...*

*Лес дремучий колышется,
Мне не кажется – слышится,
Тот туман не воротится
Волком буду, как водится...*

Песня оборвалась. Большая белая волчица стояла там, где только что сидела Василиса, слегка подвывая на Луну. Вой прекратился, зверь облизнулся и ушёл в туман.

***

«Чтоооо???» – рокотом разносилось по избе, отчего занавески в чулане затрепетали...

Все это время Ратибор и Берегиня сидели обняв-шись. Оберег горел, каким-то образом подпитывая силы русалки, иначе бы она не справилась. Обережный купол, который она создала над собой и мальчиком, закрывал их, помогая Бабе Яге отводить взгляд Кашея от чулана.

Ратибору в голову начали приходиться какие-то странные воспоминания. Ему казалось, что очень-преочень давно он уже был в этой избе.

В ушах звучал голос Бабы Яги: «А ну, полезай на лопату, да ноги не раздвигай». Потом было жарко и страшно, затем приятно. Тот же голос в его памяти про-должал говорить: «Теперь ты у нас припеченный и обжаренный, как калачик, никакая хворь больше не возьмет».

Вроде бы тогда в избе был ещё кто-то, но вспоминалось слабо. Память лишь зацепила фразу: «Мама, я так устала быть вдалеке от дома, среди людей».

Еще вспомнилось, что он любил играть с хвостом Баюна, который невозможно было поймать.

Да и саму избушку на курьих ножках он вспомнил вполне отчетливо. Он играл с ней: «К лесу задом, ко мне передом. Ко мне передом, к лесу задом», это «задом-передом» могло продолжаться до бесконечности, что уже сама Баба Яга не выдерживала и приструнивала его.

Ещё мальчик отчетливо вспомнил разговор, случайным свидетелем которого стал, будучи чуть постарше:

– Когда сила пропитывала весь мир, словно полно-водные реки питали океан, я помню то время, в нас ве-рили, и мы могли многое. Боги – так нас называли. Мы били частью мира – единого Рода. Мы даже не имели телесной оболочки: юный Ярило был светом, просто светом; Стрибог – ветром, тысячами ветров; я была пашней и урожаем.

– Тебе горько вспоминать?

– Да, сила не имеет чувств. Увы, мы уже не Сила.

– Как это случилось?

– Мы не поняли, упустили этот момент. Сила стала уходить от нас, она так же осталась в мире, но нам её доставалось все меньше и меньше. Для того чтобы сохранить хотя бы крупинцы, мы приобрели тела. И уже Хорс стал богом Солнца, а не Вселенским безграничным Светом.

– Как реагировали остальные?

– По-разному: Перун горделиво заявил: «Я бог грозы и войны, всегда буду нужен людям». И что, потом он стал богом княжеской дружины, а сегодня о нем помнят единицы, и мало кто в засуху бьет в барабан.

– Почему ты выбрала путь изгнания, мама?

– Трудно было из Макоши стать ЭТИМ! – она развела руки. – Сейчас мною пугают детей, а раньше я была под стать Роду, стояла у его трона. Теперь я – Баба Яга, старая ведьма, крадущая детей.

– Почему же Род не помогает вам?

– Род и есть Сила, Вселенная. Ты забываешь: Сила не имеет чувств.

– Но как всё это исправить, без вас мир погибает?

– Сила возвращается...

Неожиданно приятная нега воспоминаний была прервана. Обережный купол русалки сдерживал натиск взора Кашея, но, к сожалению, любая сила небезгранична.

– Я больше не мо... – только и успела прошептать Берегиня, прежде чем с грохотом свалилась на пол, зацепив рукой крынку со сметаной.

Шаги приближались к затаившимся ребятам. Сквозь прореху колыхающегося полотнища, отделявшего чулан от горницы, мальчик на миг смог увидеть надвигающегося Кощея, названного Бессмертным.

Медлить было нельзя, но что же делать?

***

Яробор и Ходута, оглядываясь, шли по ночному лесу. Каждый куст казался чудовищем, каждый шорох опасным. Пока весь люд на поляне праздновал, проводя время в играх и обрядах: отбирали березку у девок, затем топили (конечно, березку, а не девок), сжигали Ярилу на плоту, которого, горящим, носило по реке (плот, а не Ярилу, разумеется), да запускали зажженное колесо в воду, как символ уходящего Солнца, с трудом его подпала (ясно, что не Солнце, а колесо). Откуда же в ночи Солнцу взяться? Эти два молодца смекнули, что самое время заняться поиском Цветка Папоротника, авось, быстрее найдешь, да и соперников поменьше будет.

Пойти туда, откуда, вот диво, валил туман, они не решились. Да тем более видели, как эта сумасбродная бабка Василиса зачем-то бежала от реки в ту сторону, видать, к каменному лабиринту. Кто её разберет-то, да и не задумывались эти два парня о таком никогда.

– А ежели найдем? – это был Ходута, высокий и то-щий,

с едва только начавшими пробиваться усиками. – Думаешь, поцелуют?

– Не говори гоп, – Яробор залепил другу затрещину. Он был на голову ниже ростом, но шире в плечах, – пока не запрыгнешь.

– Куда? – Ходута резко остановился, почесывая ушибленный затылок, отчего его спутник, шедший чуть позади и сбоку, врезался в него. Дать сдачи Яробору парень не решился.

– Что куда? – почесывая кулаки, проговорил Яробор. Он был немного туповат и скор на расправу, и в деревне сверстники его побаивались, хотя частенько подшучивали.

– Куда запрыгнешь-то? Говорят: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь!», а не «запрыгнешь», – при этих словах парень чуть отстранился от друга, видя, что тот хочет снова вклеить ему затрещину.

– Чаво!? Умный самый, что ли? – обиженно проговорил Яробор, закатывая рукав. – А ну, подь сюды, я сейчас покажу тебе «не запрыгнешь», быстро у меня запрыгаешь сейчас.

Исполнить свою угрозу ему было не суждено. Неожиданно откуда-то из кустов сбоку в него прилетела шишка и болюче ударила в лоб, вторая шишка следом прилетела в лоб Ходуте.

– Ай, – только успели прокричать они в голос, как из кустов раздался смех, а затем, нараспев иронично:

Что же делать, как мне быть?

*Спорят Митрофан и Федя.
Как же будем мы делить,
Шкуру добытого медведя.*

– Шутит?! Шутить вздумал, – Яробор, весь красный от гнева, с шишкой на голове, продирался через кусты. Он очень не любил, когда над ним шутили, шуток он не понимал. – Врешь, не уйдешь!

– От нас не уйдешь! – Ходута шел за ним и подбадривал друга, помахивая кулаком, но делал это вяло, больше для виду. Он очень хотел сейчас вернуться на поляну к остальным парням да девкам. Но, зная пыл товарища, не решался. А то потом ещё засмеёт трусом, да и тумакон ему достанется за то, что оставил друга одного.

Когда они пробрались через заросли кустарника, под старой сосной, откуда прилетели шишки, уже никого не было.

– Сбег! Сбег, негодник, – Яробор в ярости пинал шишки, лежащие на земле, те, что смог разглядеть в лунном свете.

– Смотри, – Ходута дергал друга за плечо, показывая направление, куда смотреть. – Цветок Папоротника, слово говорю.

Действительно, в той стороне, что-то ярко горело, освещающая центр небольшой полянки, но это был не костер. Неужели вправду – папоротник зацвел?

***

Лучины медленно догорали. Баба Яга заворочалась на полу. Всё это время она так и пролежала на метле, охраняемая верным котом Баюном.

За окном постепенно появился дневной свет, а вид ночного двора с черепами на кольях стал меркнуть. Свет проникал в избушку неспешно, с той же скоростью, с которой хозяйка избы приходила в себя.

Баюн терся о руки своей хозяйки. Та в ответ только вздыхала и охала, видать, нелегко ей далось противо-стояние Кашею. Кот довольно урчал.

– Ну что, Баюша, – она, пошатываясь встала, опираясь на свою метлу. Теперь кот терся у её ног. – Плохие времена настали для нас. Чует моё сердце...

Кот ответил мурчанием.

Яга подошла к столу, с трудом села на стул, едва не упав.

– Кашей собирает легионы Нави, – она говорила, рассеянно смотря вперед. Впереди была печь, но взгляд и мысли Бабы Яги простирались гораздо дальше. – Он снова хочет стать Чернобогом в полной своей власти. Да, силы его растут, это я уже давно чую.

– Урр, – Баюн склонил голову набок, как будто понимая, о чем идет речь.

– Как же он хочет пройти в Явь? – Острый ноготь указательного пальца её правой руки монотонно постукивал по столу. – Неет, не может такого быть, – она почесала подбо-

родок. – Неужели он решится пройти через Калинов Мост?!

– Урр, – кот зевнул, видимо ему стало неинтересно.

– Да, ты прав, Баюша, – она почесала кота за ухом. – Это люди меня забыли, для него же я все ещё Макошь. Сила тает, но она остается при мне.

Баюн вопросительно пялился на хозяйку.

– Как я раньше-то не подумала, вот старая, – она обернулась к окну, щурясь, как будто не видела бутафорского дневного света, а смотрела во тьму. – Сегодня купальская ночь! Вот что он задумал! Как же так?

Какое-то время она сидела думая, почесывая подбородок и постукивая ногтем по столу.

Кот лежал на спине, играя с подолом её платья.

– Полно тебе, выпускай их, – с натугой сказала Баба Яга, глядя на кота. – Утомились, поди, уже.

Кот зевнул и начал увеличиваться в размерах. Став чуть больше самой Яги, заняв практически все место между столом и печью и упершись головой в потолок, он изогнулся, положил морду на пол и широко раскрыл пасть. Оттуда не спеша, оглядываясь по сторонам, вылезли Ратибор и Берегиня. Девочка была бледна и измождена, как и хозяйка жилища. Русалка практически висела на мальчике, еле передвигая ногами.

Как только они выбрались, кот принял свой обычный размер.

– Садись, моя хорошая, – Яга подвинула табурет, на ко-

торый тотчас плюхнулась Берегиня. – Ну что, касатики, ёлки-иголки, плохи наши дела.

***

– Эко диво! – Яробор прятался за дерево, стоящее на краю поляны. Шишка на лбу побаливала.

– Что загадаем-то? – Ходута боязливо выглядывал из-за спины друга, толком ничего не видя, но уже жажда загадать желание или, на худой конец, найти клад под Цветком Папоротника.

В центре небольшой поляны ярким пламенем горело нечто. Нет, это был не костер, но света оно давало не меньше. Друзья решили, что это Цветок Папоротника, только подойти не решались, рядом с источником свечения стояли двое. Еле слышно от центра поляны доносился их разговор.

– Ай, жжется, – тот, что поменьше ростом усиленно дул на свою руку. Если присмотреться, он был совсем ещё мальчишкой.

Это был голос того наглеца, что кидал в друзей шишки. Но ни Яробор, ни, тем более, Ходута не осмелились сейчас затеять расправу над ним, хоть и очень желали этого. Особенно Яробор, так как рядом с говорившим стоял высокий, статный молодец с обнаженным торсом и венком на голове, видать, тоже с поляны, решил Цветок Папоротника найти.

– Тяжелые времена наступают, наследник, – высокий уста-

ло глядел на Звезды. – А тебе всё хиканьки-хиханьки да хахоньки, да шишками покидаться.

Мальчик обиженно надулся.

– Сам-то, когда гулял весной в зените, как будто не хохотал, да девок веснушками не красил? – Он, будто забыл о боли в руке, продолжая: – Высоко сажу, никого не вижу.

– Да, слепил всех светом, купаясь в нежданно полученной Силе, а ослепил себя, – казалось, он ничуть не обиделся на слова юнца. – Сошел с небосвода и увидел, что тут происходит. Только поздно уже, назад дороги нет.

– То-то и оно, – мальчик смотрел с укором. – А ко-му-то расхлебывать.

– Не я заварил, не тебе расхлебывать, в зенит тебе нужно войти, да коня оседлать, дальше дело других. Чуешь, наследник? – Молодец полной грудью вдохнул воздух, сладко улыбаясь. – Сила возвращается к нам, вон и праздники старые да забытые снова в почете. Меня как в былые времена честь по чести встретили, сейчас колесо жгут, провожая.

– Жгут, да разжечь не могут, Нави в руку.

– Дааа, не тот нынче народ, ой не тот. Далеко потомкам до славы своих дедов, – говоря это, молодец стал медленно растворяться в воздухе. – Смотри-ка, разожгли, выходит, Ярилино колесо – символ уходящего Солнца. Прощаться пора, до возжжения купальца наступает время Чернобога.

– Через год встретимся, братец, – мальчик говорил серьезно, совсем по-взрослому.

– Слава тебе, Наследник! – молодец полностью растворился в воздухе.

– Доброй догори, Ярило! – после этих слов мальчик, обернувшись, посмотрел за спину, ровно туда, где боясь даже шелохнуться, затаились Яробор и Ходута, которые начали понимать, кто только что был перед ними. И уже совсем иным, детским и озорным голосом мальчик продолжил: – Ну что, олухи?! Догоняйте! – в парней снова полетело несколько шишек.

***

– Как вам мой травяной чаёк? – Яга потчевала ребят так, как будто не было всех страшных событий этой ночи.

Хоть и прошло совсем немного времени, но Ратибор и Берегиня, да и сама хозяйка избушки на курьих ножках чувствовали себя гораздо лучше. Хотя руки ее заметно тряслись, когда она подносила блюдце с чаем ко рту.

– Славный, бабушка, – русалка улыбалась. Такие моменты ей были особенно радостны, она представляла, что у неё есть своя собственная бабушка, хоть и понимала – всё понарошку.

– Мне тоже нравится, – мальчик сидел, слегка насупившись. – Такой же делает бабушка Василиса, – при этих словах Баба Яга и Берегиня переглянулись. Русалка смотрела вопросительно, подняв брови, а хозяйка избы ухмылялась,

прищуром давая девочке понять, чтобы та молчала.

Яга подлила ей еще чайку и поставила на стол новую порцию кренделей.

– Всё прям как у людей, – Берегиня мечтательно посмотрела в окно, и лишь в глубине её глаз мелькнула слабая тень застарелой тоски.

Ратибор взял ее за руку, пламенно произнес:

– Ты даже не представляешь, как я хочу, чтобы ты могла пойти со мной в мир живых, – поправив съехавшую на глаза челку, он продолжил: – Я бы показал тебе свой город, наш двор, мы бы играли... – Мальчик резко замолчал, видя, каким счастливым огнем загорелись глаза девочки, и с досадой прошептал, опустив взгляд: – Жаль, что это невозможно.

Девочка сидела сама не своя. На миг даже показалось, что у неё проступила слеза. Но это, конечно же, невозможно – русалки не плачут, это удел и привилегия живых.

На плечо мальчика тяжело опустилась рука Бабы Яги.

– Ну почему же нельзя?! – она очень пристально смотрела в глаза Ратибору. – Вот только дело это непростое, да и опасное. Хотя кое-кому все-таки удалось уйти в Явь. Тем более сегодня одна из тех самых ночей, когда... – Яга чуть помедлила, подбирая слова. На неё уставились две пары глаз: одни с мольбой, вторые с надеждой. – Только вам сначала нужно одолеть Кощея.

***

Догнать наглеца им не удалось, он юркнул в лес и был таков, ищи его в темноте. По лесу разносилось на-смешливое:

Ёлки-иголки,

Четыре руки.

Волшебный цветок

Нашли дураки.

Яробору и Ходуте не было уже дела до того, что кричал курносый, кучерявый насмешник. Их поиски увенчались успехом, по крайней мере, они так думали, когда наперегонки бежали к центру поляны.

Но добежать парням было не суждено. Черная грузная тень преградила им дорогу. Как оказалось, не только друзья вдвоем наблюдали за странным разговором на поляне.

– Чего ходим, вынюхиваем тут? – перед испуганными ребятами стоял злой до невозможности дед Пахом.

Он только-только вошел в лес, выбравшись из заточения в лабиринте благодаря Черному Колдуну, и шел в одном себе ведомом направлении, пока так же случайно, как Яробор и Ходута, не наткнулся на разговор двух неизвестных на поляне, правда, он застал только самый конец диалога.

– Па-пахом, – у Ходуты дрожал не только голос, у него сильно дрожали коленки. Встретить ночью деда Пахома в лесу было не совсем то, чего они ожидали. Неужели он следил за ними?

– Ничего мы не вынюхиваем, – по правде говоря, Яробору тоже было весьма страшно, но он крепился и старался не показывать вида, хоть выходило не очень хорошо.

– А ну, пшли отседа, – дед Пахом небрежно махнул посохом, едва не попав Ходуте по затылку, но парень сумел увернуться.

Друзья бочком начали пробираться к выходу с поляны.

– Хотя, стойте, – Пахом оглянулся на источник света, который был за его спиной. – Что вы тут вообще делаете, когда остальные творят обряд?

– Ищем Цветок Папоротника, – выдавил из себя Ходута, кивнув в сторону центра поляны, несмотря на злое пшиканье друга, дескать: «Молчи!»

– Сдался вам всем этот цвето... – не договорив, Пахом замолчал, поняв, что сболтнул лишнее. Он так зло зыркнул на парней, что у тех одновременно мелькнула мысль: «Живыми не уйти». – Что тут у вас? – Дед Пахом вразвалочку, не спеша пошел к цветку. Парни, хоть и было жутко страшно – про Пахома в деревне говорили разное, осторожно пошли за ним.

– Жжется, – Пахом с досадой повторил слова недавнего обидчика двух друзей. Видать, и ему не дается Цветок.

Парни выглянули с разных сторон из-за спины Деда Пахома, но, к их великому сожалению, это был не желанный Цветок Папоротника: на пеньке лежало горящее красным светом, большое перо.

– То ли страуса, а может, и павлина, разбери тут.

– Вот только чего оно светилось?

– Может, как в кино – фосфором намазано?

– Да не может быть, чего оно тогда жжется?

– Ох, нынешнее племя мне на седину, – Пахом аккуратно взял за шеи парней и, больно прижав их к себе, приподнял над землей, те даже ойкнули от испуга. – Это перо Жар-птицы, бестолочи.

***

– Ну что, голубчики, путь предстоит дальний, да тернистый, – Баба Яга стояла на крыльце своей избушки, которая переминалась с одной куриной ноги на другую, словно готовая тотчас рвануться и бежать, незнамо куда и зачем. – Отговаривать я вас не буду, да и бесполезно это. Не вы первые, и не вы последние.

Ратибор с Берегиной стояли на земле, задрав головы, слушая ведунью.

Ночь уже не была темной и непроглядной, тут и там маячили просветы, ожидая и предвосхищая восход Солнца и начало нового дня. Только черепа на частоколе светили все так же зловеще.

– Вот вам от меня подарок, – она протянула руку куда-то во тьму сеней. На траву упал клубок, прокатившись вокруг друзей, он застыл перед мальчиком, словно ожидая его ко-

манды или действий.

Ребята переглянулись. Берегиня запрыгала на месте, хлопая в ладоши, а её спутник подумал, что это лучше всякого навигатора: у него никогда не закончится батарея, и такой клубок всегда приведет к цели.

– Ишь, какие смышленные. Вижу, что уже знаете, для чего мой клубок нужен, – Баба Яга хмыкнула. – Осталось научиться им пользоваться. Ратибор, запоминай слова:

*Тропы да дороженки,
Да босые ноженки,
Тропы да дороженки –
Предков сторона.*

– Мысленно представь, куда хочешь попасть или что найти, и клубок приведет тебя к искомому.

– Благодарим, бабушка, – мальчик попытался поклониться до земли, как делали это герои мультфильмов, но получилось у него, мягко сказать, нелепо. – Чем мы можем оплатить тебе за помощь и доброту? – Конечно, он помнил сказки, в которых герой после такой вот помощи оказывался в довольно затруднительных ситуациях, но очень надеялся, что им этого удастся избежать.

– Ничего не надо, – Яга махнула рукой. – Василисе пожелание здоровья и долгих лет передавай от меня. Да и ступайте с Богом, – Он только хотел спросить с каким именно бо-

гом, но Берегиня в этот момент потянула его за рукав рубахи.

– Да, вот ещё, – неожиданно продолжила она. Ребята замерли. – На выходе за частокол возьмите шест с черепом, так идти быстрее и сподручнее будет, – вымолвив это, она скрылась в темноте избышки, даже не удосужившись закрыть дверь.

Ребята постояли несколько секунд и двинулись на выход с поляны. Впереди катился путеводный клубок красных ниток.

Лишь только они скрылись в темноте, предварительно взяв шест частокола с одним из черепов, как и велела Баба Яга, по лестнице избы, спускаясь на траву, мелькнула черная тень, растворяясь в темноте там, куда двинулись путники.

– Присмотри за ними, Баюша, – голос Яги был тревожен.

– Мрррррур, – раздалось в темноте.

– Вот и славно, – в избе послышалась возня. – А мне предстоит иное дело.

Завыл ветер. На фоне Луны мелькнул силуэт Бабы Яги, разгоняющей своей метлой ступу. Лишь на долю секунды в ее руке сверкнул то ли серп, то ли что-то на него похожее. А может, это всего лишь игра лунного света?

***

– Вот ты дурень, – это продолжалось уже некоторое время. – Как ты мог согласиться на такое? – Яробор повторял

как заведенный: «Дурень» и «Как ты мог?».

Ходута, понуро опустив голову, шел за своим другом. Они выбрались из зарослей и уже приближались к праздничной поляне по петлявшей в лесу торной тропинке. Сказать было нечего, да и смысла отвечать на один и тот же вопрос тоже. Яробор сам был там и, так же как Ходута, дал эту страшную клятву, кивая головой. Лишь только дед Пахом, потирая руки, скрылся в темноте, ребята выдохнули и начали осознавать, что они натворили.

– Может, того, не пойдём? – Ходута заговорил первый раз, спустя долгое время.

– Не пойдём?! Ну ты дурень! – Яробор схватил друга за ухо и начал резко таскать в разные стороны.

– Ай-яя-яй, – безуспешно пытался вырваться несчастный.

– Не пойдёт он, – со злостью, отпустив ухо товарища, мальчик продолжил: – Ты хоть знаешь, кто это был?

Тишина леса окутала обоих. В воздухе висел немой вопрос Ходуты, который он всё-таки решился задать.

– Как это кто? Дед Пахом!

– Ага, мне бабка говорила, что это сам...

Но договорить мальчик не успел, не таясь, по тропе за ними шел ещё кто-то. Поступь незнакомца была тверда и уверенна.

Повеяло холодом. Настигший путников ветер нес отвратный запах плесени.

Стараясь не шуметь, ребята залезли в ближайшие кусты.

– Глядь-ка! – голос Ходуты дрожал.

– Да тише ты, – прикрыв рот товарищу, прошептал напуганный Яробор.

Черный силуэт застыл в нескольких шагах от того места, где спрятались ребята. Два красных уголька рыскали по сторонам, будто кого-то ища. И даже не было ни единого сомнения, кого именно.

У ребят тряслись коленки, было жутко. Когда темный силуэт начал медленно двигаться в их сторону, Яробор, понимая, что их заметили, решился:

– Черти круг живее!

Выхватив из кармана старенький перочинный ножичек, Ходута начал чертить обережный круг, при этом пытаясь выговорить: «Чур меня, Чур!», – но, ударившись головой о голову склонившегося друга, прервался.

Черная тень скользнула по очерченной на земле линии, словно желая окружить их целиком. Но тут Ходуте удалось-таки проговорить заговор целиком, и черный силуэт растворился в воздухе, огласив лес леденящим душу смехом.

– Кто это был? – вопрос Яробора повис в воздухе.

Перепуганные друзья остались сидеть в кустах на земле, не решаясь двинуться дальше.

Навыи тропы

– Я только не понимаю, почему не иглу надо найти, а Меч-Кладенец?!

Ратибор с русалкой шли лесной тропой. Свет из глазниц черепа, который девочка несла на шесте, наотрез отказавшись передать его спутнику, освещал не только саму тропу, но и кусты на обочине. Так что неожиданного нападения можно было не бояться.

– Ведь смерть Кашеева на конце иглы? – продолжал мальчик. – Это каждый карапуз знает.

– То-то и оно, что каждый знает и впервой ринется искать эту самую иглу. Некогда Иван Царевич уже пробовал и потерпел неудачу, – Берегиня наклонилась к уху Ратибора, перейдя на шепот. – Да только мало кто ведает, что иглу эту Кашей с собой носит, в золотом яйце, в своей груди, только не там, где у живых сердце, а справа.

– А ты откуда знаешь?

– Бабушка Яга сказала, когда мы уходили, – девочка огляделась по сторонам, хотя за освещенной тропой стояла непроглядная тьма. Наверное, зрение навъей было лучше приспособлено к темноте. – И только Меч-Кладенец может разбить это яйцо.

Ребята переглянулись, думая о своем, при этом каждый мнил, что товарищ думает аналогично. У каждого была своя цель в этом путешествии.

– Слушай, Берегиня, – мальчик говорил весело и задорно,

таким тоном, как будто не было за плечами всей опасности этой ночи, – когда станешь живой, приезжай ко мне в гости!

Девочка потупила очи.

– Приедешь?

– Я мечтаю стать живой, ты же знаешь.

– Знаю! – он мечтательно смотрел вперед, во тьму. – Себя не пожалею, а тебя вытащу. А ты на что готова ради этого?

При этих словах русалка вздрогнула, как будто её что-то укололо, и чуть было даже не уронила шест с черепом. Нехорошо посмотрев на мальчика, она ответила:

– Я бы на многое пошла.

– Да, я тебя понимаю, – не замечая её реакции, продолжил Ратибор. – Ты стала мне настоящим другом.

– Тише! – со стороны леса, прямо над кромками деревьев, послышались хлопки крыльев. – По нашу душу, поди.

Ребята быстро юркнули в придорожные кусты, уткнув череп глазами в землю. Клубок остался ждать на тропе, словно верный пес.

Но ничего страшного не произошло. Летун появился, видать, не ради поисков живого и русалки, но привкус опасности серьезно испортил настроение и добавил тревоги.

– Это навьи, не стоит нам с ними встречаться.

Ратибор даже не стал уточнять, что это за новая на-пасть, за последнее время было слишком много опасного и неизвестного.

***

– Тропа становится шире, – с опаской вымолвил мальчик.

Уже некоторое время они продолжали свой путь, следуя за клубком по петляющей лесной тропинке. Тот, в свою очередь, то ускорял своё движение, периодически замедляясь, то совсем замирал на месте: «Как будто ловя сигнал», – сразу пришло в голову Ратибору.

Лес постепенно редел, кустарники у дороги занимали место деревьев. Небо давило непроглядной чернотой: ни облачка, ни звёзд. Редкие сполохи над головами путников разбавляли темень, да неописуемо яркая Луна огромным диском висела за спиной...

– Ты знаешь, куда мы идем?

– Нет, мне редко удавалось удаляться от воды, самое дальнее я была у Бабушки Яги, а ведь это почти граница Нави. Она стережет Калинов Мост – проход в мир живых. В такие дебри – русалка провела свободной рукой по воздуху, очертя круг, – я даже и не забиралась.

Ратибор заразительно зевнул:

– Меня что-то в сон клонит.

– Ты что? – девочка теребила его за плечо. – Нельзя нам спать, полно тебе!

В этот момент она четко услышала мелодичное пение, раздававшееся откуда-то спереди, раньше она принимала этот звук за шум ветра, но теперь голос стал более отчетливым и можно было даже разобрать некоторые слова.

– Вот напасть! – потянув к себе мальчика за локоток, она резко направила глазницы черепа-фонаря ему в лицо.

– Ой, – он вздрогнул, чуть ли не подпрыгнув на месте.

– Полегчало?

– Да, что это было?

– Сам увидишь, идем скорее, сейчас снова в сон потянет.

Не таясь, они побежали на голос, все более отчетливо слышимый при каждом шаге.

– Почему ты не засыпаешь? – глотая воздух на бегу, допытывал мальчик.

– Я же навья, мы не спим.

Деревья окончательно уступали кустарникам, которые так же постепенно становились все меньше, переходя в высокую траву. Лес заканчивался, ребята выбежали на опушку и стремглав юркнули в ближайшие кусты, не забыв при этом прикрыть глазницы черепа.

– А если она нас уже увидела? – мальчик сидел на корточках, боясь высунуть голову.

– Да нет, ты что, увлечена своим пением, – Берегиня же, наоборот, немного высунулась, встав на цыпочки, чтобы лучше разглядеть певунью. – Я о них только слышала, но видеть не приходилось. Хороший они улов приносят, но нечета нам.

– Улов? Какой улов?

Русалка присела, уже жалея, что сболтнула лишнего. И попыталась сменить тему.

– Это она над нами пролетела, случайно или по нашей ду... по твою душу, только не понять. Хорошо, что одна, и то тебя как корежит, – мальчик зевал, уже не помня своего вопроса. – Ежели товарки её слетятся – беда нам, не устоишь – тотчас уснешь и не таких, слыхивала, убаюкивали.

– А? Что? – уже потеряв нить разговора, мальчик зевал все сильнее.

– Что же придумать? – русалка совсем по-девичьи забывшись, начала кусать ногти. – Знаешь, что мы сделаем?

***

– Знаешь, что мы сделаем? – она повернулась к мальчику, но тот уже посапывал, охмуренный сладострастным пением. – Ратибор! Ратибор! Проснись! – но любые попытки растормошить спутника, прикорнувшего в высокой траве, были тщетны. – Ладно, сама справлюсь. Без тебя даже проще будет.

Не таясь, высоко подняв над головой шест с черепом, Берегиня пошла на голос. Волосы развевались, словно на ветру, хотя в воздухе неощутимо было даже самое незначительное дуновение. Взгляд русалки исподлобья устремился вперед, во тьму. Она, разумеется, уже давно поняла, с кем им пришлось столкнуться, и немного побаивалась, но все же долг и данное давеча слово заставляли идти вперед.

Луна освещала равнину, на которую они вышли, лесная тропа расширилась и превратилась в узкую дорогу, которая

смыкалась с еще несколькими, витиевато уходившими во тьму тропинками. На перепутье, как водится, стоял большой камень, шершавый и неказистый, с письменами по центру, именно на нем, крепко держась когтистыми лапами, восседала та, что окутала окрестности звучанием своего сладкого пения – Сирин, она же Гамаюн.

Огромная, в человеческий рост, волшебная птица с красивым женским лицом, продолжала петь, наслаждаясь своим же голосом. Она не заметила русалку, вставшую в упор перед ней или только сделала вид. Благодаря размеру камня, Гамаюн намного возвышалась над Берегиней. Лишь только, девочка направила свет фонарей в лицо Сирин, та с большой неохотой прекратила петь, грозно захлопав крыльями и покачивая головой из стороны в сторону, уставилась на пришлицу.

– Эй, пернатая! – русалке пришлось запрокинуть голову, дабы смотреть в глаза собеседнице. – Чего распелась тут?

Не реагируя на нахалку, сказочная птица повернулась к ней спиной и собралась продолжить свою песнь. Но не тут-то было. Русалка юркнула в траву, вынырнув с оборотной стороны камня, вновь направила череп Гамаюн в лицо. Это Сирин уже стерпеть не могла.

– Бузить вздумала! Мелочь пузатая! – она начала мерно хлопать размашистыми крыльями, разгоняя воздух. – Вот я тебе!

С каждой минутой напор воздуха, закручивающегося во-

круг крыльев разгневанной птицы, становился все сильнее. Берегиня не смогла устоять на месте, её потащило назад, в густую траву. Упершись шестом в землю и сильно наклонясь вперед, она попыталась сделать шаг к эпицентру начинающегося маленького урагана. Тщетно.

Неожиданно резко поток воздуха пропал, как будто его и не было, птица повернулась к лицевой стороне камня и медленно мелодично и затянула мотив, а девочка, не удержавшись на ногах, брякнулась в траву, чуть ли не рыдая. Но сразу же вскочила, поднимая шест с накренившимся черепом, который, тем не менее, продолжал светить так же ярко.

– Ах, так, – утерев нос с азартом и привкусом злости на совсем свежей обиде, прошипела девочка. – Ещё посмотрим, кто кого!

Берегиня, вновь оказавшись перед взъерошенной Гамаюн, трижды ударила шестом о землю, и резко подняв его, направила наверх прямоком в лицо Сирина.

– Сейчас подпалим тебе перышки.

Вокруг черепа появилось белое свечение с беспорядочными сполохами огня, через мгновение оно сорвалось и сверкающим шаром ударило в Гамаюн. Та, успев закрыться крыльями, по-птичьи крикнула и, сбросив стекающий по перьям огонь, взмыла на несколько метров над девочкой, при этом расплескав остатки огня вокруг себя.

В голосе Сирина не осталось ничего человеческого, зло клопоча, она вновь собирала ветряные потоки вокруг своих

крыльев, но теперь в русалку полетели уже не только потоки ветра: жесткие, с острыми наконечниками перья птицы начали втыкаться вокруг девочки то тут, то там. Те, что летели напрямик в девочку, сторали в ареоле светящегося черепа, но с каждым попаданием свечение становилось слабее.

Правда, и Гамаюн досталось: парочка выпущенных огненных шаров все же достигла цели, и от неё шел едкий дымок. Это заставило птицу собрать все силы и от ветра стали гнуться, не то что трава, даже стоящие на опушке деревья.

В этот момент одновременно произошло несколько событий. К путевому камню подкатился, до этого остававшийся с Ратибором, указывающий им дорогу клубок. Большой огненный шар сорвался с черепа со звуком «Пыщщщ», – череп погас, лишив русалку защиты. Шар угодил в птицу, и та, каркнув, кубарем полетела в траву,

успев при этом выпустить несколько перьев-стрел, которые летели напрямик к повисшей на посохе девочке.

– Ложись! – с разбегу врезаясь в Берегиню и опрокидывая её наземь, выкрикнул Ратибор.

Оберег, висевший на его груди, горел багрово красным. Едко шипя, летящие в детей перья птицы Гамаюн рассыпались в труху, и девочка, натужно выдохнув, провалилась в беспмятство, опрокинув голову на руки Ратибора.

– Успел! – прошептал тот, периодически позевывая, было видно, что рывок дался ему с большим трудом.

***

– «Тропы, да дороженки...» – уже в который раз повторял мальчик, но клубок, не желая показывать нужной дороги, крутился волчком перед путеводным камнем.

Русалка так и осталась в беспомощности, лежала рядом на траве обочины, крепко сжимая посох в руке. Череп на шесте перестал шипеть, в его глазницах теплился слабый огонек, хотя было ясно, что светить он не может.

Оберег на груди мальчика, остававшийся все время теплым, снова начал краснеть, источая жар.

– Живой?! – голос был похож на скрежет. Так на мельнице, которая на окраине деревни, скрипели жернова.

– Ты кто? – Ратибор сжал руками оберег. Но никого не увидел. – Ты где?

– Перед тобой, – с огромным достоинством ответил собеседник. – Я – камень.

– Какой ещё камень? – мальчик озирался, но под светом Луны не разглядел на песчаной дороге ни одного камня.

– Так перед тобой же стою, – разочарованно, с нетерпением ответил тот. – Экий несмышлениш, сразу видно – живой!

Только сейчас мальчик перевел свой взор на путеводный камень, перед которым сидел, нашептывая клубку заговор. Камень был массивен, обласканный ветром и проливными

дождями, часть откололась и лежала, видимо, где-то поблизости, если никто не умыкнул, как сувенир, или ещё для каких дел. Большими взъерошенными буквами на нем красовались слова, только невозможно было разобрать написанное – ветер и дождь сделали свое дело.

– Значит, ты можешь указать нам дорогу? – радостно воскликнул Ратибор.

– Могу, но не буду.

– Почему?

– За этот бардак, что вы тут мне учинили!

– Ах, я тебя тогда, – мальчик вскочил и в порыве пнул ногой по камню. И тотчас же запрыгал, постаны-вая, на второй ноге. – Больно! – на глазах проступили слезы.

В этот момент, словно вынырнув из самого камня, на траве появился старичок, ростом едва доходивший мальчику до колен. На нем была широкополая шляпа, вся в дырах и прорехах, жилет на голое тельце и короткие штанишки. Босыми ногами он прытко шлепал к Ратибору, размахивая при этом клюкой.

– Да ты буяннить вздумал! – его голос был писклявым и резким, заметно отличался от первоначального баса.

Мальчик в удивлении свалился на землю, постаны-вая и придерживая больную ногу. При этом глаза незнакомца уставились в его горящий оберег.

– Эко диво, а говоришь, живой! – забыв о своем гневе, задумчиво проговорил старичок, почесывая коротенькую ку-

цую бородку. – Откуда тут живому взяться с таким сокровищем?

– Ты знаешь, что это?

– Дай мне его, дай же скорее! – пропустив вопрос, незнакомец попытался схватить оберег, но не допрыгнул и в полете, схватившись за рубаху мальчика, завизжав, отскочил и, с обидой зыряка на того, стал дуть себе на обожженную руку. – Да кто же ты такой-то?!

– Я – Ратибор, а ты?

– Ратибор-Ратибор... нет, не припоминаю, не из Навьих точно, может, из Прави? Молодая поросль?

– Из Яви я!

– Ну да, ну да, и бродишь тут со взбалмошной ру-салкой в купальскую-то ночь.

– Ничего мы не бродим, а идем по очень важному делу.

– Вот только рубаха твоя... – тут он услышал по-следнюю реплику мальчика. – Какому такому делу? Важному?!

– А что моя рубаха?

Они уставились друг на друга. Видя, что мальчик ничего более не скажет, старичок нехотя продолжил.

– Не проста у тебя рубаха, кто шил-мастерил? Не русалка же, этим только целоваться, по полям скакать, да живых пугать.

– Нет, не она, а моя бабушка.

Его собеседник осекся на следующем слове.

– Какая ещё бабушка?

– Бабушка Василиса.

Теперь настало время старичка садиться на пятую точку. Он снял шляпу, обнажив лысую голову, и стал утирать шляпой лицо.

– А ты, значит, её внук?

– Да, её внук.

– То-то я гляжу, не прост ты, парень, ой, не прост.

– А ты кто такой?

– Я дух путеводного камня, – старичок нежно погладил его. – А вот кем я был раньше...

– Кем ты был раньше?

– Не все ли равно теперь, – старичок поник. – Если бы мне твою висюльку. Ведь не отдашь?

– Не отдам, – в голосе мальчика слышались стальные ноты, он перестал тереть ушибленную ногу и немного отполз от собеседника.

– Не отдашь. Оно и ясно, а самому забрать у меня сейчас силенок не хватит. – Тут его лицо засияло улыбкой. – Знаешь, что сделаем: я загадаю тебе три загадки. Отгадаешь – укажу путь, нет – висюлька моя.

При этих словах застонала, зашевелившись русалка.

– По рукам?

– По рукам! – мальчик ударил вытянутую ладошку старичка.

– Стой! Что же ты наделал, Ратибор! – девочка только сейчас смогла дотянуться до друга, но было уже слишком поздно.

но – слово, не воробей!

***

– Так-с, приступим, – старичок успел забраться на путеводный камень, на коем и восседал верхом, потирая ручки и смешно дрыгая ногами, нисколько не сомневаясь в своей победе.

Берегиня всклокоченная, надувшаяся, всем видом показывающая обиду и недовольство, стояла на тропе, держа посох с черепом в правой руке, то и дело поглаживая череп левой, будто уговаривая помочь и в этот раз. Глазницы черепа отзывались, давая небольшое свечение, но по вздыханиям русалки было явно, что на большее он пока не способен.

Да и не помог бы им череп. Хозяин путеводного камня был не так прост, как казалось на первый взгляд. Девочка успела рассказать Ратибору, что именно их бой с Сирином пробудил дух камня. Щедро использованная Сила черепа послужила пищей спящему хранителю, и теперь было бы бесполезно использовать против хозяина силу, которой он питался. Поэтому им не оставалось ничего иного, как отгадать загадки и уйти с миром.

– Ты парень смысленный, что бы загадать такого-эдакого тебе?! – старичок, позерно закинув ногу на ногу, теребил бородку, морща брови.

Кроме того, девочка успела поведать, разумеется, шепоч-

том, что родом хозяин из Прави, но был изгнан от-туда за какие-то проделки. Но в Яви он был слишком могуществен, поэтому, по решению Богов и с согласия Кашея, был помещен в Навь, где сила хранителя была ничтожна и древний мог довольствоваться только ролью духа какого-нибудь предмета и большую часть существования проводить в дремоте, пока по близости не окажется достаточно дюжий источник силы. При этих словах мальчик с удивлением смотрел на подругу, размышляя: какой бы она была сильной в Яви, если тут она сильнее этого старичка и смогла справиться с той же Сирин.

На самом деле Ратибору нужно было бы думать об ином – откуда русалка знает всё это, если утверждает, что далеко от воды не отлучалась никогда. Но ни ситуация, ни возраст мальчика не благоприятствовали для таких вопросов.

– Придумал, – тем временем радостно вскрикнул старичок. При этом он зло посмотрел на девочку. – И не подсказывать мне там! Знаю вас, вертихвосток!

Берегиня лишь ухмыльнулась, да так, что любой внимательный наблюдатель удивился бы такой ухмылке юной девочки. Только не было в округе сейчас внимательных наблюдателей, а те, что были, не показывали носа, следя за разворачивающимися событиями.

– Чего дороже на свете нет?

– Так, конечно, друзей! – при этом мальчик обернулся и подмигнул Берегине, и сразу же уставился на старичка. –

Верно?

После его слов девочку перекосила гримаса стыда, но никто этого не заметил.

– Верно-верно, – нехотя промолвил тот, со злости сжав кулачки. – Следующая загадка.

А про себя подумал: «ну, держись у меня!»

– Без окон, без дверей...

– А, знаю-знаю, – мальчик радостно захлопал в ладоши, чуть ли не пустившись в пляс.

– Эммм, – замялся дух камня, – тогда другая.

– Так нечестно, – хором воскликнули Ратибор и Берегиня.

– Нечестно им, видишь ли, да ну вас, – с этими словами дух погрузился в камень, медленно в нем растворяясь.

– Тянет время, – со знанием дела молвила русалка, встав за спиной у Ратибора.

Снова заговорил камень, оглашая гулким скрежетом округу.

– Хорошо, третья загадка.

– Вот видишь, – русалка толкнула мальчика локтем в бок.

– Заря-заряница, в купальский рассвет может пригодиться, по лугам ходила, ключи обронила, брат встал, ключи подобрал.

Ратибор медленно открыл рот, на лице отразились испуг и удивление. Он точно не слышал такой загадки и не знал на неё ответ.

***

– Что, голубчик, – старичок снова восседал на вершине камня, потирая ручки, гнусавя напирал на мальчика. – Сдаешься?

– Я не приучен сдаваться! – эта фраза была произнесена без раздумий, при этом мальчик стиснул зубы и сжал кулаки, как будто ожидая боя.

– Сразу понял, что у меня сегодня удачный день, – дух камня тем временем начал расхаживать по вершине камня, заложив руки за спину, изредка попрыгивая и напевая незатейливый мотив, отчего смешно тряслись полы его шляпы. Вот только Ратибору было сейчас не до смеха.

– Заря-заряница, в купальский рассвет может пригодиться, по лугам ходила, ключи обронила, брат встал, ключи подобрал, – уже в который раз проговаривал мальчик. – Ключи подобрал, ключи подобрал. А от чего ключик-то?!

Старичок едва не поперхнулся своей же песенкой, с укором в упор смотрел на Ратибора сверху вниз.

– Подсказку захотел, ишь, какой хитрющий шало-пай! Не по правилам это, не по правилам!

Он снова погрузился в камень и уже басом продолжил:

– Отдавай висюльку! Проиграл – отдавай.

В этот миг Берегиня схватила мальчика за локоть.

– Бежим скорее, – указывая на одну из троп, выпалила она.

– Стой, так нельзя, – Ратибор стоял как вкопанный, опустив голову, но тверд в своем решении. – Я же слово дал.

– Слово? – она хотела ещё что-то сказать, но про-молчала, поняв, что мальчика не переубедить.

– Подойди ближе, – из камня высунулись две ма-ленькие ручки.

Ратибор нехотя снял с шеи оберег и протянул его хозяину. В лесу завывали волки. Если бы ребята обернулись, то увидели бы, что на опушку леса вышла большая волчица-альбинос. Но они были слишком заняты процессом, каждый погруженный в свои собственные переживания.

При очередном вое из камня высунулась седая голова хозяина без шляпы, тот с недовольством оглядел окрестности, лишь бегло скользнув по волчице.

– Так-ссс, – проговорил хранитель путевого камня, высунувшись из него уже наполовину. – Увольте. Ответ: роса. Путь свободен, более не задерживаю, – и был таков.

После этих слов вой прекратился, и белая волчица исчезла с опушки, как будто ее там не было.

Ратибор и Берегиня ошарашенно переглядывались друг с другом, не веря своему счастью. Путеводный клубок сделал очередной круг и, выбрав одну из троп, резво покатился по ней. Да и череп на шесте стал светить куда ярче.

– Идем, путь неблизкий, – звонким голосом поманила девочка, побежав за клубком.

– Догоняй, – обогнав ее, прокричал Ратибор.

***

– Из огня, да в полым... – начал было говорить Ра-тибор, но русалка ловким движением прикрыла ему рот ладошкой, приложив указательный палец свободной руки к губам. – Тише! – шепотом произнесла она.

Оберег мальчика жег грудь, и ни пошевелиться, ни закрыть его рукой. Путеводный клубок, подрагивавший в его ладонях, словно пытаясь продолжить показывать нужную дорогу, присмирел, чувствуя настрой хозяина. Череп-фонарь лежал глазницами в землю, слегка придавленный коленкой девочки, как она сама выразилась: «на всякий случай».

– Ты засаду на тропе проверял?

– Да проверю ещё, успеется.

«Хорошо, что успели свернуть с тропы, влекомые случайно замеченным огоньком меж деревьев, – думала русалка, – а не то бы несдобровать».

– А я тебе говорю: себе нужно брать! Цап! И дело с концом, – говоривший был грузен, лохмат и неопрятен. Он постоянно принюхивался, бегло зыркая по соседним кустам, словно догадывался о присутствии ребят, но не решался открыть свою догадку товарищам. – Добыча наша и концы в воду.

– Медведь, хр, ты постой, – названный медведем здоро-

вяк нехорошо покосился на сотоварища. – Тут дело такое, ошибемся – вмиг расправа настигнет, – назвавший товарища Медведем был немного ниже собеседника, но массивнее в плечах. Его подбородок украшала густая щетина, а нос был сломан так, что напоминал пяточок борова.

– Слушай, Кабан, – вступил в диалог третий. – Ты что, так и собираешься на своих желудях перебиваться? Садись ближе к костру, скоро обед, – он был поджар, многим уступал товарищам в размерах, но при этом казался не менее опасным, лицо было изуродовано глубоким шрамом, взгляд также рыскал по кустам, периодически задерживаясь на Медведе, когда тот не замечал этого.

– Волк дело говорит, Кабан, славное угощение из свининки! – Медведь и Волк загоготали. Кабан насупился, но промолчал.

Так продолжалось уже значительное время, двое товарищей, подначивали Кабана, который сидел поодаль, под ветвями раскидистого дуба. На костре готовилось ароматное мясо, что у Ратибора аж слюнки потекли. Пламя костра щипало низко расположенные листья и ветки дерева, но, казалось, троицу это совсем не беспокоило.

«И как нам удалось подкрасться так близко?» – думал мальчик. Помогли, как всегда, осмотрительность и осторожность Берегини. Не мог костер в лесу быть безопасным местом для путников, но любопытство сыграло свою роль, и они осторожно пробрались кустами, в которых и затаились.

Благо, сидевшие у пламени люди со странными именами или прозвищами были поглощены беседой и предвкушением позднего ужина, а может, раннего завтрака, и не заметили присутствия незваных гостей.

– Кого хоть, хр, отлавливаем на этот раз? – Кабан слегка оживился и подвинулся ближе к товарищам, которые, отрезая ножами куски мяса, уже лакомились едой.

– Не кого, а что! – Волк, тряся указательным пальцем, поправил товарища. – Вещица одна запропастилась, или умыкнул её кто, пока ты дрых.

– Ничего, хр, я не дрых, хр, – Кабан повел своим здоровенным пятаком. – Так, погулял вчера по Яви, притомился.

– Ага, погулял с Лешим! – Медведь толкнул в бок Волка, отчего тот чуть не поперхнулся куском мяса, и они снова громко загоготали.

– Что за, хр, вещица-то такая? – Кабан был упорен, он вообще отличался упорством и любил доводить дело до конца.

– Да кто ж его знает, – развел руками Медведь. – ОН разве скажет?! Ищите живого, дескать... – Медведь резко закрыл себе рот.

– Рррастяпа, – Волк со злостью смотрел на проговорившегося товарища, казалось даже, что он это прорычал по звериному, а не проговорил.

– Да ладно вам, – примирительным тоном продолжил Кабан. – Поделится, добыча-то знатная, раз ОН сам за дело взялся, да и ночь купальская, – тут он развел руки, вдыхая

воздух всей грудью. – Можно в Явь сходить, погудеть там, али русалкам хвосты повыкручивать.

В этот момент девочка вздрогнула, чуть не вскрикнув, едва не выдав себя. Пока Волк с Медведем изучающе, с удивлением смотрели на Кабана (не водилось за ним добычей делиться), а тут – на тебе, тот, в свою очередь, не менее пристально всматривался в темноту леса, аккуратно туда, где прятались дети.

***

– Чую-чую, хр, – Кабан лукаво посмотрел на сотоварищей. – Тут пахнет хорошей наживой. Волк, а ну, как твоя стая там на тропе, проверить бы пора, может, есть вести?

Волк удивился. Конечно, он давно уже учуял живого, сидевшего с кем-то из навьих в кустах, но, не желая делиться добычей с товарищами, думал, как бы их обхитрить. О том же думал и Медведь, чуйка которого не уступала Волку. Они, перемигиваясь, даже решили разделить добычу на двоих, оставалось только спровадить Кабана, что они и пытались сделать, приготовив молодую свинью на костре, но тот с отсрочкой, но, видать, тоже учуял чужаков.

– Лады, – у Волка мелькнула мысль: домчаться до засады на тропе и вернуться уже с другой стороны, подкравшись сзади пришлых и уличив подходящий момент, схватить их, и дать деру. При всей силе Медведя и Скорости Кабана, он на-

деялся, что у тех не хватит слаженности и они попросту помешают друг дружке, а он останется в выигрыше. – Я быстро.

Издав громкий вой, такой, что теперь уже вздрогнули и Берегиня, и Ратибор, Волк встал на четвереньки: его конечности стали короче и шире, а меховая жилетка вросла в тело, покрывая его шерстью. Миг, и у костра уже стоял матерый серый зверь с большим шрамом на морде. Он вновь взвыл и бесшумно скользнул в ночной лес.

– Чую-чую, хр, русским духом пахнет, – Кабан пристально смотрел на Медведя, – как отреагирует, что решит?

– Знаешь что, Кабан, – при этих словах Медведь, продолжавший сидеть на выкорчеванном толстом стволе дерева, начал меняться в лице: его черные густые волосы пробила седина, плечи стали уже, хоть и не менее массивными, а на щеках и подбородке проступила белая борода, которая в миг достигла груди. У старика, в которого преобразился Медведь, в руке, непонятно откуда, появился посох. Кабан принюхался – из любимого дуба. – Хороший у тебя нюх, я посмотрю.

Собеседник Медведя попятился назад, но, упершись спиной в стоящее у костра дерево, взвизгнул, как испуганный поросенок. Он хорошо понимал, кто перед ним.

– Ве-ве-ве, хр, – начал заикаться он. – Велес!

– Нельзя вам на тропу, засада там, – старик не отводил взгляд от прижавшегося к дереву Кабану, но было ясно, к кому он обращается. – Долго не продержу его купальская ночь

диктует свои правила для таких, как я, – он указал посохом куда-то в чашу. – Там старая тропа. Уходите!

– Пошли, – Ратибор опомнился раньше. Он помог подняться подруге и наконец-то прикрыл оберег ладонью – грудь зудела.

Проходя мимо костра, мальчик приостановился, что теперь Берегине пришлось тянуть его вперед.

– Как отблагодарить тебя? – обратился он к старику.

– Отблаговаришь ещё, – тот стукнул посохом по земле. – Уходите живее!

Их не надо было упрашивать. Натерпевшись страхов и несказанно обрадовавшись, что снова удалось улизнуть, ребята рванули с места, как при этом Берегиня умудрялась не уронить череп с шеста, было тайной за семью печатями.

– Скорее же! – она подначивала мальчика.

Тот, стараясь не выронить клубок из рук, бежал, спотыкаясь, но не отставал от русалки.

От костра раздался грозный рык. Показалось, что листья деревьев в округе колыхнулись от него. А после, менее громкий взвизг.

– Велес ушёл, бежим скорее, – позади раздался со-трясающий землю топот. – Нагонят!

***

– Чую-чую, хр-хррр, – огромный ошетилившийся кабан рыл землю, раскидывая здоровенные комья своими сверка-

ющими в лунном свете острыми клыками, переходя с человеческой речи на поросячье хрюканье.

– Аррр, – рядом ревел массивный медведь, он сбил с лежащего на земле посоха череп, после чего яростно рвал кору на деревьях. Оборотень сам тоже чувствовал живого, но не мог понять, где тот притаился.

В небольшой ложбинке, прислонившись к покосившемуся дереву, лежал, скуля словно побитая собака, Волк. Как ни старались Медведь с Кабаном нагнать ребят первыми, он успел раньше и налетел на огненный шар, выпущенный Берегиней из черепа-фонаря. После чего череп с шестом был брошен, как временно бесполезный. Волк то принимал форму человека, то вновь большого

зверя, его потрясывало, морда была опалена, руки-лапы судорожно дергались.

– Чую-чую, хр-хррр, – Кабан не унимался, глаза яростью горели, с губ скатывались на землю крупные капли слюны, копытца били землю, как будто это она была виновата в его злоключениях. – Проклятый, хр, старик посмел явиться к нам после всего, хр, – после чего именно, он уже не договорил, продолжая вынюхивать воздух. – Чую-чую!

Под ноги Кабану упал желудь, тот машинально слизнул его языком, продолжая метаться на небольшом пяточке между деревьями, то и дело касаясь их, отчего деревья скрипели и тряслись.

Ещё один здоровенный желудь лежал на земле у пятачка оборотня, «вроде, не дубовый лес», – слизнув его, подумал Кабан. Тут в лоб ударила здоровая шишка, и ещё одна, третья. Свин нервно хрюкнул, привлекая внимание Медведя, самостоятельно он не мог смотреть вверх.

Но и Медведю уже досталась своя порция шишек, поэтому тот, прекратив раздирать все вокруг себя, уста-вился сквозь ветки деревьев. Зрение у него было отменное, ночь не была помехой. Но Медведь не видел дерзнувшего кидаться в них.

– Шишки-мишки, волк-кабан, рыщут-ищут по кустам! – озорной детский голос доносился откуда-то сверху, но при этом было невозможно определить, откуда именно.

Ратибор сразу узнал этот голос – как было не узнать? И сейчас с любопытством, замешанном на толике восторга, следил за развитием событий. Они с Берегиней, ранив Волка, укрылись в корнях поваленного дерева, у которого лежал скулящий оборотень, стоит захотеть – хоть рукой дотронься до него, вот только желание такое отсутствовало. Оберег мальчика пылал, щедро отдавая свои силы русалке, которая в очередной уже раз за эту ночь сотворила защитный купол над собой и мальчиком. Если бы не её защитная магия, их уже давно бы разоблачили и нашли. Хотя было видно, что защита слабеет с каждой минутой, вместе с уходом сил девочки. Так что курносый появился совсем вовремя, как чуял.

– Ищут-рыщут, не найдут! Где живых гостей приют!

Шишки летели с разных сторон, практически одновременно и с большой скоростью. Обратни, понимая, что бесполезно, перестали метаться и отбивать снаряды – какой от них урон! И только зыркали по сторонам, ища задиру.

– Шишки-мишки, шишки-мишки, кто найдет... – дальше было не разобрать, голос с большой прытью начал удаляться – шишкопад прекратился.

Медведь и Кабан сорвались с места, в человеческом облике они бы еще одумались, продолжив искать мальчика с девочкой, но сейчас инстинкты животных взяли свое – обратни двумя скользящими над землей тенями ушли в погоню.

– Уфф, – девочка натужно дышала, облокачиваясь на Ратибора. – Уходим скорее, глядь, скоро вернутся.

Подобрав треснувший шест и найдя в кустах светящийся череп, ребята с оглядкой двинулись дальше под жалобный скулеж волка, который только и мог, что проводить их полными ненависти и отчаяния глазами.

Замок Кощея

– Кажется, пришли, – свет из глазниц черепа стал совсем слабым, норвя вовсе погаснуть.

Впереди над кронами деревьев величаво возвышалась, освещенная лунным светом, черная громада дворца. Тут и там в окнах зияли дыры – стекла разбиты, местами раскурочены ставни. Черепица крыши в пробоинах, словно после

метеоритного дождя, в эти пустоты мерно сочился лунный свет, теряясь внутри жуткой громадины замка. «Нам бы там не потеряться», – подумал мальчик.

– Ты знаешь, что это за место?

– Я ни разу не была так далеко от воды, – русалка поежилась. Ей была неприятна даже сама мысль о том, куда привел их клубок Бабы Яги. – Но, кажется, пони-маю, где мы.

В голове мальчика пронеслись обрывки легенд, сказок, даже снов, только там, во сне, это место было иным: давя своей громадой и заключенной в себе мощью, оно было живым, не по-настоящему, разумеется. Откуда взяться жизни в Нави? Но чудилось, что во снах это место дышало силой, а не как сейчас – было при смерти.

– Жутковатое местечко, – Ратибору было не по себе, в воздухе висела непонятная угроза.

– Это замок Кашея, сиречь Чернобога, – в этот момент свет в глазницах черепа погас и ребята остались наедине с луной, замком и темнотой. – Он – властитель Нави, это место его Силы.

– Вот куда нас завел клубок. Значит, меч всегда был у него под боком!

– Да! Очень умно, – русалка провела рукой по волосам. – спрятать такое грозное оружие у него же под самым носом. Как только он его до сих пор не нашел?

Вопрос остался без ответа, за их спиной раздался вой и тяжелая поступь. Оберег на груди Ратибора стал горячим –

значит, опасность совсем близко.

– Снова они, – Берегиня схватила спутника за руку. – Бежим скорее, – и рванула с места так, что едва не вырвала эту самую руку, только чудом мальчику удалось схватить лежавший под ногами путеводный клубок, после чего он целиком отдался бегу.

***

– Оторвались! – ребята дышали с трудом, жадно глотая воздух. – Уффф, – Берегиня в очередной раз посмотрела назад – нет ли погони.

Погони не было видно. Какая уж тут погоня, скорее всего, их загоняли в западню.

Ратибор и Берегиня стояли перед входом во дворец Кашея. Вокруг не было ни души, замок казался давно заброшенным, даже оберег на груди мальчика ничем себя не выдавал, значит, и опасности тут для них не было. Отчего же так тоскливо на душе, сердце стучит, всё норовя залезть в пятки?

– Ну что, пошли? – девочке тоже было не по себе, хотя она старалась не показывать виду.

Входные ворота были высокие и очень тяжелые, с вырезанными символами и фигурами зловещих воинов, причем некоторые воины были то с головой волка, то оскаленного медведя или рыси. На каждой двери был череп с кольцом,

продетым в ноздрю, видимо, они служили ручками. Хорошо, что не было смысла распахивать их полностью, нужен был небольшой проем, дабы по очереди протиснуться внутрь.

Ребята навалились всем своим небольшим весом. Скрежет с натугой открывающихся дверей разнесся по залам, отдаваясь звонким «Крр-Кр», да так, что мальчик при этом вздрогнул, вспоминая черного ворона, который преследовал его у праздничной поляны. «Как же не к месту эти нехорошие воспоминания!» – подумал он.

– Идем.

Ребята вошли в узкий проем, освещенный лунным светом, где их встретил мрак.

– Сейчас бы факел! – Ратибор положил руку на грудь поверх оберега – потеряешь его тут в темноте и вовек не сыщешь. Оберег ответил теплом. – Или череп-фонарь.

Словно услышав эти слова, подвеска на груди мальчика начала светиться неярким, но достаточно далеко расходящимся светом.

– Вот те на! Даже не думал, что он так может.

– Может, ещё и не так! – русалка взяла мальчика за плечо. – Тут очень много Силы, я это чувствую. Вот и твой оберег смог ею воспользоваться. В лесу это было бы невозможно.

В этот момент в руках мальчика начал шевелиться клубок, словно ожил, видимо, и он мог питаться Силой этого места. Клубок упал на пол, сделал несколько кругов во-

круг удивленных детей и покатился куда-то вперед и направо, остановившись, вернулся к ногам Ратибора и снова покатился вперед и направо, при этом казалось, что он виляет распутившейся ниткой, которую волочил за собой, словно собака хвостиком.

– Нас зовет, – радостно воскликнул мальчик.

Берегиня резко зажала ему рот, приложив указательный палец второй руки к своим губам.

– Тссс, не кричи, нельзя тут кричать, особенно не-прошенным гостям.

Сохраняя тишину и озираясь по сторонам, практически на цыпочках, ребята пошли следом за клубком.

***

– Ааа-пчхи!!! – как ни старалась девочка перебраться по дворцу Кашея скрытно – ей это не удалось. По залам пошло гулять гулкое эхо: «чхи-хи-хи-хи-хи», как будто кто-то насмеялся над ними.

Все вокруг было завалено вековой пылью, которая поднималась с пола либо сброшенная нечаянным касанием, либо дуновением ветерка, и тотчас норовила залезть в носик, едко его щекоча. Чихали оба, сначала, пытались прикрываться ладонями, но с каждым разом все громче и самозабвеннее отдавались порыву.

– А это что?! – мальчику все казалось интересным. Русал-

ка выступала в роли гида, хотя о назначении многих предметов сама только догадывалась.

Миновали тронный зал с величественным, но зашарпанным и треснувшим пополам тронном; прошли мимо замысловатых гобеленов, заляпанных не то грязью, не то кровью, а где-то и просто жиром; периодически хрустя стеклом, осыпавшимся, видимо, с разбитых витражей и мозаик, ребята все глубже уходили в лабиринт дворца.

– Наверное, его ложе.

Мерно раскачиваясь на шести толстых цепях, висел большой стеклянный ящик. На самом его дне лежали толстые мягкие подушки.

Мальчик не удержался и, подбежав поближе, толкнул ящик с одного края. За что был одарен очередным клубом пыли и скрипом, тут же подхваченным эхом: «Крр-крр».

– Опять это «Кррр».

– Не каркай! Идем дальше, тут нет ничего интересного.

Клубок ждал детей сразу за выходом из зала и, как будто не решаясь пойти дальше, кружился на месте. Впереди был длинный коридор и несколько дверей, одна была слегка приоткрыта, именно у нее и остановился путеводный клубок.

– Нам что-то хочет показать, зайдем? – Ратибор потянул Берегиню за рукав.

– Думаешь, стоит? – она нерешительно сделала шаг за мальчиком. Чем дальше они заходили в глубь дворца, тем сильнее нервничала девочка, казалось, что она не хочет от-

влекаться на то, что было интересно спутнику, а стремится быстрее пойти к заветной цели. Если бы мальчик был немного старше, конечно, заметил бы это, но он был ещё в таком возрасте, когда на подобные значимые мелочи не обращаешь внимание.

– Смотри-ка, как кабинет моего отца, – Ратибор изучал комнату изнутри, русалка, надув щечки, с недовольным видом осталась стоять в дверях.

В отличие от всего интерьера дворца, эта комната была похожа на обычный кабинет в любом современном офисе: письменный стол, заваленный пылью, с одним чистым участком, как будто совсем недавно на нем что-то стояло, например, ноутбук, хотя откуда тут ему было взяться? – думал Ратибор, только уж очень сильно размер чистого участка стола давал именно такие ассоциации; шкаф для книг или документов с отвисшей дверцей, ныне пустой; глобус, изъеденный дырами, со странными незнакомыми письменами, точками и чертами, больше походившими на звезды в созвездиях, чем на очертания континентов, как на домашнем глобусе мальчика. Но больше всего его привлекла стена слева от стола, на ней висели рамки с фотографиями, самыми обычными, только старыми, обветшалыми, черно-белыми. Такие ему показывала бабушка, рассказывая о давних временах. Большинство рамок были пусты, лишь в нескольких остались фотокарточки. Дотянуться, чтобы посмотреть их ближе, мальчику не удалось, но в одной из них он увидел Ба-

бу Ягу и Кашея в обычном платье и деловом костюме, только очень старых, как на фото у бабушки (она их называла «военных лет»), а во второй рамке молодую девушку, чем-то похожую на Бабу Ягу, а чем-то, о, удивление! на бабушку Василису.

– Ты долго там ещё!?

Мальчик собрался было залезть на стол, чтобы лучше разглядеть фото, но вопрос русалки остановил его.

– Забыл, зачем мы тут? – она нервно постукивала пальчиками по дверному косяку. – Идем уже!

– Идем.

Мальчик повернулся к двери и только сейчас заметил, что на внутренней её стороне висела мишень дартса, к центру которой глубоко всаженным дротиком была приколотта ещё одна фотокарточка. На ней был изображен молодой мужчина в старинной одежде с луком в руках и колчаном за спиной, а сверху на фотографии крупными красными буквами написано «ИВАН».

– Чего тянешь? Идем. Клубок снова показывает до-рогу.

– Да иду, иду я, – Ратибор хотел было снять это фото, но не допрыгнул и с сожалением, бросив последний взгляд на него, побежал за русалкой.

***

– Её не сразу заметишь! – мальчик водил рукой по шеро-

ховатой поверхности стены. – Едва мимо не проскочили. Ах, если бы не клубок.

Путеводный клубок тем временем бился о стенку, откатываясь и, с нескончаемым упорством, ударяясь об нее вновь и вновь. Он точно знал, куда нужно идти. Ос-тавался вопрос: как открыть эту потайную дверь? В том, что это именно дверь, сомнений уже не было – если внимательнее присмотреться, прислонившись щекой к холодной поверхности, и прищурить один глаз, можно было заметить выделяющие ее от остальной стены тонкие прямые прорехи, на которых не было пыли – от них чувствовался небольшой сквознячок. Всё бы ничего, но было досадно одно: ребята не знали, как открыть эту дверцу.

– Может, есть другой путь? – Ратибор с надеждой посмотрел на девочку.

– Нет же, – нервно теребя свои волосы, откликнулась она. – Если клубок не ведет дальше – это единственный путь!

– Давай ещё раз поищем рычаг, который её открывает.

– Ох, да сколько можно-то? – Берегиня гневно смотрела на попутчика. – Уже который раз ищем – нет тут ничего.

Ребята стояли в узком коридоре, стены которого были увешаны всевозможным оружием, звериными головами или просто рогами на дощечках, а на полу, в равном удалении друг от друга, чинно стояли рыцарские доспехи, словно стражи, охранявшие вход. Разумеется, и они все были покрыты толстым слоем пыли.

– Ааап-чхiiiiii!

Эхо, волнами расходившееся по замку, унесло звук далеко за пределы коридора. Ребята давно не боялись, что их заметят: либо заметили давным-давно, но таятся, либо нет тут никого и в помине – замок пуст. От чиха открытое забрало одного из шлемов качнулось, и весь доспех пошатнулся, наклоняясь слегка вперед, его держала лишь алебарда, зажатая в латной перчатке. В этот момент оберег мальчика засветился и начал слегка жечь грудь.

Это не осталось без внимания Берегини.

– Кажется, нас все-таки заметили, – она смотрела на оберег.

Снова шелохнулся ближний доспех, словно в нем кто-то был, или само проржавевшее железо оживало. Постепенно небольшой скрежет стал раздаваться и со стороны других немых стражей – они начинали медленно двигать своими конечностями.

Самым резвым оказался тот, что стоял совсем недалеко от мальчика. Уставившись на Ратибора пустыми глазницами шлема, он, делая неловкие шаги, бряцая алебардой об пол, приближался к замершим от ужаса ребятам.

– Влипли! – сделав несколько шагов назад, вымолвил мальчик.

Доспех качнуло, его движения стали медленнее, те, что были за ним, остановились, а несколько из них позади, не удержав равновесия, и вовсе упали, оглашая коридор, да и

весь замок, страшным грохотом, разносимым эхом.

– Смотри, – Берегиня затеребила мальчика за плечи. – Они тоже питаются силой оберега, как и дух камня. – Бежим!

Но убежать ребята не успели. Словно поняв смысл сказанного, ближний доспех, вытянув латную перчатку, с невероятной скоростью, метнулся вперед, не желая упустить добычу, схватил оберег и, сжав его в железном кулаке, начал сгибать руку, поднимая брыкающегося Ратибора в воздух.

***

– А ну отпусти! Именем Хозяина! – вопила Берегиня, повисшая на согнутой в локте металлической руке, смешно размахивая ножками. И снова стоило Ратибору задуматься: почему она смеет приказывать, говоря от имени некоего Хозяина, но было совсем не до этого – подвеска, на которой был закреплен оберег, больно резала шею, сдавливая и мешая дышать, мальчик хрипел, пиная ногами ржавую грудь схватившего – только пользы от этого не было ни на грош.

–Архх, – не выдержав веса мальчика, подвеска порвалась, оставив оберег в латной перчатке.

В тот же миг вторая рука доспеха потянулась к нему, отпустив алебарду, отчего та звонко ударилась об пол.

– Ну уж нет, ты его не получишь, – русалка с рвением начала отгаскивать по скользящему полу, больно плюхнувшегося и от того отбившего пятую точку, Ратибора.

– Ахрр, – прохрипел тот. – Оберег! – мальчик выскользнул из рук девочки и, очертя голову, ринулся на обидчика. – Получай!

Мальчик, увернувшись от метивших в него растопыренных металлических пальцев, ловко упал на живот и проскользнул между латных ног обидчика, но не рассчитал скорости и гладкости пола, умчался в другой конец коридора, сбивая на своем пути остальные ожившие доспехи, словно кегли.

Шум стоял невероятный: звон смешивался со скрежетом, превращаясь в дурную какофонию. Отнесенные от источника Силы, доспехи разлетелись по сторонам, превращаясь в груды металлолома.

– Теперь ты! – утерев разбитый нос, прошептал Ра-тибор, зло посматривая на шедшего к нему неприятеля.

Он решил проделать тот же фокус во второй раз. Разбежавшись, мальчик упал на спину и покатился, желая сбить шагающие доспехи. Но не тут-то было, противник не дал застигнуть себя врасплох, молниеносно метнувшись, свободная латная рука схватила его за лодыжку и мигом подняла над полом вверх тормашками.

– Ай! – только и успел выкрикнуть Ратибор, как неожиданно доспех разлетелся на составляющие элементы, катясь по полу и громко грохоча. На том месте, где только что был противник, стояла улыбающаяся русалка, гордо державшая в трясущихся руках алебарду.

– Забирай оберег скорее! А то снова соберется, – девочка начала рыться в груди металла.

Но кулона нигде не было. Русалка стала разгребать разбросанные по полу доспехи, как тут мальчик воскликнул:

– Посмотри на дверь! – он указал на стену.

Из-за творившегося гомона ребята и не заметили, что потайная дверь, ключ от которой они так долго искали, слегка открыта – были бы старше, вряд ли смогли протиснуться.

У центра двери, на небольшом расстоянии от нее, прямо в воздухе висел пылающий оберег Ратибора. Через осыпавшуюся местами штукатурку на двери проступал рисунок, как и на обереге, и также горел ярким огнем.

– Вот, значит, как, – с удивлением прошептала девочка. – Идем скорее.

Путеводный клубок давно укатился вниз по лестнице. Решив освещать путь оберегом, Ратибор с опаской взял его в руки и без особых усилий оттянул от двери, завязав порвавшуюся веревочку, снова повесил его себе на шею. Дверь и не думала закрываться.

– Осторожно, тут много паутины, – девочка шла первой, малое количество света не было для нее помехой.

Ребята уходили все глубже. Разумеется, они даже не обратили внимания на шорох, доносившийся с покинутого поля боя.

Латная перчатка, та самая, что держала оберег, пошевелила пальцами, сначала совсем незначительно, но вот уже

она смогла сжаться в кулак. Постепенно сдвигались все остальные, разлетевшиеся по сторонам доспехи. Подхваченные неведомой силой, они вновь стали собираться в изначальные металлические статуи.

Трудно было поручиться – удастся ли Ратибору с Берегиней пройти этим же путем дважды.

***

– Смотри, тут на сундуке что-то начертано, – русалка, убрав волосы со лба, начала активно сдувать пыль с крышки сундука, где-то помогая себе ладошками.

– Интересно! – Ратибор с воодушевлением хлопал глазами, ведь цель их похода была уже так близка. – Кажется, я могу прочесть.

Слова были знакомые, хоть и написаны старинными буквами, бабушка часто показывала книги с этими буквами и учила читать их. Как там было: «Аз буки ведаю...»

*Полыхает небосвод – жар сердец,
Я не этот и не тот. Наконец!
Зарекаюсь – уйду с головой,
В черный омут, ты не тронь, я не твой.*

– Ой, – русалка вздрогнула при этих словах. – Жжется, так же как твоя рубаха.

– Что жжется? – мальчик озирался по сторонам, но в полумраке подвала ничего не было видно – оберег давал совсем мало света, едва хватало, чтобы разобрать начертанное на сундуке... На всякий случай он отодвинулся от спутницы, вдруг это он её задел ненароком.

– Слова жгутся, – девочка заскрежетала зубами. – Не могу тут находиться. – Ай! – её качнуло.

Застонав сильнее, Берегиня двинулась к выходу из комнаты подземелья, теряя ориентир в пространстве и пытаясь нащупать выход вытянутыми руками. Переступив порог, снова всхлипнула и, произнеся слабым дрожащим голосом: «Ты продолжай, продолжай, Ратибо-рушка. Это заговор от навьих», поковыляла прочь.

Мальчику ничего не оставалось, как продолжить читать текст. Сейчас ему начало казаться, что с каждым прочитанным словом витиеватые буквы, начертанные на дереве, начинают светиться.

*Бесконечная стезя, отчий дар,
Я на мельнице и всласть, я – пожар!
Доиграешься с огнем – укушу!
В печке теплый и живой шубурушу.*

Свет букв стал отчетливее, словно живой огонь полыхал в них. Мальчик почувствовал тепло на груди – от его оберега шло тепло, и свечение усилилось, стало такое же, как и от

букв.

*Выходил во двор и пел: волчий вой.
Не кликай беду к себе в летний зной.
Хорса пламенем объят мой завет,
И не тронуть и не взять триста лет...*

Текст заговора поднялся в воздух. Буквы горели, освещая изрядную часть подвала, от них шел пар.

*Смех и холод, рассмешил? Накажу!
Ни воскликнуть, ни солгать... Но прошу:
«Сохрани святой завет черных Лун!»
Громогласно нам велел бог Перун*

Казалось, что кто-то ещё, большой и властный, произносит эти слова одновременно с Ратибором, наполняя комнату гулким басом.

Там было ещё что-то написано.

И не этот и не тот, ты другой...

Дальше слова были непонятны Ратибору, они сверкали и таяли, как будто только что ярко горевший костер резко разворошили.

В коридоре за его спиной раздался звук хлопающих кры-

льев, затем мальчика что-то откинуло в бок. Он отлетел в сторону и больно ударился о стену.

По маленькой комнате, победно каркая, метался большой черный ворон.

***

Купалец так и не хотел разгораться.

Ранее добытый трением живой огонь, с таким удо-вольствием принявший требы на капище и все-таки за-жегший колесо, сброшенное в реку – символ уходящего Солнца, отказывался разжигать главный костер праздника – купальский.

– Лихое творится, – один из обрядников, дородный мужчина, ходил вокруг центрального костра, уже даже не пытаюсь разжечь его факелом. – Не зря, не зря туман подступил. Где же Василиса?

Добрый люд, пришедший на самый главный праздник лета, стоял поодаль, окружив купалец и суесящихся возле него обрядников с факелами, стоявших кольцом.

Тут и там слышалось роптание.

– Ой, не милостивы боги к нам.

– Да что ты? Сейчас разгорится.

Ярбор с Ходутой стояли за кругом, переглядываясь и довольно улыбаясь. Они выполнили обещание, данное деду Пахому.

– Гори-гори ясно... – затянул кто-то из стоящих в хоро-
воде. Но его не поддержали – достаточно кругов было прой-
дено с этим воззванием к Батюшке-Огню, но всё тщетно.

– Старайтесь-старайтесь, дурни, – Яробор потирал руки:
дело сделано и скоро их ожидала награда. Неожиданно он
ткнул друга локтем в бок: – Смотри.

– Эй, – Ходута, зло посапывая и растирая ребра, посмот-
рел, куда указывал товарищ.

В дальнем краю поляны, где располагался лабиринт из
камней, в ярком лунном свете стояла едва различимая тем-
ная фигура.

– Значит, не показалось, – улыбка сползла с лица Яробора.

– За нами пришел, – сделав небольшой шаг за спину друга,
вымолвил Ходута.

– Тоже, видать, нужно, чтобы костер не занялся.

– Может, не стоит им помогать?

– Поздно, уже влипли по самые уши, – Яробор по-вернул-
ся к товарищу и сунул ему под нос свой увесистый кулак, –
Понял?! Если болтать надумаешь.

– Да чего, ты чего! Я – могила.

В этот момент темная тень блеснула красными угольками,
которые были у нее на месте глазниц, и ис-чезла.

Ранее, пока люди были заняты у капища славлением бо-
гов, Яробор и стонущий от страха Ходута подкрались к ку-
пальскому костру и вложили в него несколько трав, которые
им выдал дед Пахом. И так же незаметно, как им казалось,

убрались восвояси.

После капища все стали водить хоровод вокруг купальца, напевая: «Гори-гори ясно», – желая помочь костру скорее разгореться. А обрядники тем временем разжигали высокий, в несколько обхватов взрослых мужчин, костер.

Но костер не горел и по сей час. И не мудрено: дед Пахом, он же Леший, выполнил приказ своего хозяина – Кашея. Без купальского костра не родиться новому Солнцу, и уже совсем скоро легионы Чернобога пройдут сквозь туман в мир Яви.

– Давайте играть в «Горелки», – закричал звонкий девичий голос в темноте.

– Всё не уймется, – процедил сквозь зубы Яробор и, нехотя, вразвалочку, направился к месту предстоящей игры.

***

Раздался ледяной смех, расходясь эхом по комнате, он будто набирал силу.

Ратибор привалился к стене, растирая ушибленный бок. Заветный сундук был совсем рядом, но до него не добраться: большой черный ворон, влетевший в открытую дверь схрона, обернулся человеком в черном плаще.

– Вот я тебя и догнал, Каартибор, – незнакомец покачал головой, словно до сих пор оставался в облинии ворона. Звеня шпорами, он подошел к сундуку и, с шумом откинув

крышку, поднимая в воздух клубы пыли, вытащил заветный меч, стал с упоением его разглядывать. – От меня же прятали, заговаривали. В своем же царстве не мог найти, увидеть. Только рука живого способна разбудить ото сна Меч-Кладенец.

– А ну отдай, – со спины на незнакомца налетела растрепанная Берегиня, но тотчас же оказалась откинута к стенке напротив мальчика. – Ка-кащей? – Теперь она видела, кого только что атаковала с такой прытью. Острие фламберга уткнулось ей в шею, казалось, меч шипит и извивается как змея.

– Гляди-ка, мятежная русалка, – он посмотрел на Ратибора. – И живой.

В этот момент взгляд Кашея привлек оберег, висевший на шее мальчика.

– Это мне тоже пригодится, – Ратибор не успел опомниться, как крепкая рука сорвала с его шеи оберег. В руках Кашея медленно распускался, озаряя подземелье ярким переливающимся светом, дивный цветок – дотронуться боязно – вдруг обожжешься. – Цветок Папоротника

наконец-то дорога в Явь открыта! – победно заулыбался Кашей.

На секунду мальчику показалось, что стены каземата стали прозрачными, и сквозь них он увидел шагающие в тумане легионы. Черной массой они приближались к той самой

поляне, на которой начались его приключения, злой ордой готовясь вторгнуться в мир живых, в мир Яви. У Ратибора защемило сердце: «Там же бабушка! Что же я натворил?!»

– Хорошую службу сослужила, Мавка! – Кашей, ухмыляясь, смотрел на русалку, – Без тебя он бы сюда не добрался.

Мальчик, услышав это, разинул рот. Пристально, с укором и надеждой он уставился на свою спутницу.

– Это неправда! Ты лжешь! – Ратибор готов был ринуться на обидчика, но силы как будто его покинули. – Она же мой друг! – слабо шевеля губами, прошептал мальчик.

– Боги не лгут, глупый, – Кашей немного опустил меч, улыбаясь. – Скажи ему! – прямой приказ властителя Нави не дал шанса ослушаться.

– Ра-Ратибор, – русалка перебирала пальцами, теребя подвернувшуюся под руку соломинку. – Я могу все объяснить. – На глазах у Берегини наворачивались слезы, но увидеть их было не суждено – русалка всё-таки не была живой. – Я... я не нарочно, – девочка продолжала заикаться. – Он обещал сделать меня вновь живой!

– Полно! – Чернобог схватил Берегиню за руку, резко дернув на себя, от чего та вскрикнула. – Найдется тебе и другая служба.

Тут он в упор посмотрел в глаза Ратибору.

– А тебе оставаться в Нави навеки! Продолежные книги ждёт тебя на сайт ГАРДАР (забей в гугле), сейчас там акция: 5 книг по цене одной, – успевай забрать с выгодой.

Ратибор в ужасе выдохнул и, теряя сознание, провалился во тьму.

Концовка

Огонь в очаге продолжал гореть, каждым языком пламени отстаивая свое право на жизнь. Тени оставались на своих местах, но что-то поменялось в комнате избы.

Люлька уже раскачивалась не так легко, она стала заметно тяжелее. В ней возился маленький, совсем голый ребенок. Зыряка на собравшихся вокруг колыбели, он с самозабвением посасывал большой палец. В его взгляде не было страха или желания зареветь: равный смотрел на равных. Да, сейчас он был им равен, пока оставался в колыбели, а дальше...

– Сила начала возвращаться.

– Осталось протянуть руку и взять её, – хриплый голос слился со скрипом открывающейся двери.

Тени колыхнулись и исчезли.

Через распахнутую дверь в избу струился мягкий свет яркого ночного неба. Тут и там падали звезды, рисуя росчерки на небосводе. Только малышу в люльке пока не было до них никакого дела.

Но это только пока.

Совсем в другом месте, одновременно с этими событиями начались уже известные нам приключения Ратибора.